

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1902 г. VI годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Примѣчаніе. — Замѣтки рецензента. П. Зета. — *Audiat et altera pars. Вышшаго уполномоченнаго.* — Хроника театра и искусства. — Письмо въ редакцію. — Смерть и сумасшествіе. *Литория Гь.* — Изъ Москвы. *И. Э-си.* — Въ царствѣ красокъ (окончаніе). *И. Врешко - Врешковского.* — Провинціальная лѣтопись. — Списокъ разрѣш. пьесъ. — Объявленія.
Рисунки: Группа профессоровъ петербургской консерваторіи. «Сонъ жизни». Вечеръ въ

№ 44.

честь Сары Бернаръ въ Берлинѣ. «Ипполитъ» на сценѣ Александринскаго театра (шаржъ). «Золотая Ева», «Монна Ванна» въ Новомъ театрѣ (2 шаржа *А. Р-ва*). Изъ альбома *С. Панова* — «Мотивъ грѣша». Рисунки Ж. Лебланъ.
Портреты: А. А. Майкова, С. Т. Морозова; г-жи Бауэръ, г. Михайлова, Нуовина, г. Клементьева.

Приложеніе: «Люди», др. въ 4-хъ дѣйств. Соч. *И. С. Платона*.

Продолжается ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1 Юля) подписка
НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

(шестой годъ изданія).

Подписная цѣна — 4 руб.

Съ 1 января 1902 г. по конецъ года — 7 р.

© подписки на 1903 г.

Съ 1903 года мы вводимъ **существенное преобразование** въ наши приложенія. Кромѣ 52 №№ журнала, подписчики получаютъ **24 книги** «Библиотеки», въ которыхъ, наряду съ научно-популярными статьями и литературною критикою, будутъ печататься разнаго рода беллетристическія произведенія, а равно и **пьесы**, съ отдѣльною нумераціею страницъ. Число пьесъ будетъ **увеличено**: вмѣсто 20, будетъ дано до **30** новыхъ, репертуарныхъ пьесъ.

Книжки (сброшюрованные, въ обложкѣ) будутъ выходить около 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Между другими произведеніями въ «Библиотекѣ» будетъ помѣщенъ переводъ новаго сочиненія К. Гагемана «Режиссеръ».

Въ 20-хъ числахъ ноября и началѣ декабря, будутъ выпущены двѣ книжки, куда войдутъ 9, 10, 11 и 12 выпуски «Библиотеки» за 1902 г. и нѣкоторыя новыя пьесы. Такимъ образомъ, подписчики будутъ въ состояніи судить объ удобствахъ новаго образца приложеній и соотвѣтственномъ увеличеніи литературнаго матеріала.

Цѣна на журналъ остается **прежняя**, т. е. 7 р. годъ, 4 р. полгода, равно сохраняются и прежнія условия разсрочки: 3 р. при подпискѣ и по 2 р. 1 апрѣля и 1 юня.

С.-Петербургъ, 27 Октября 1902 г.

Ниже печатается письмо „бывшаго уполномоченнаго“ по поводу Союза драматическихъ писателей и его отношенія и „антагонизма“ къ Обществу драматическихъ писателей и композиторовъ.

Выполнивъ „долгъ безпристрастія“, считаемъ, однако, нужнымъ въ нѣсколькихъ словахъ выяснить нашу точку зрѣнія. Что интересы актеровъ и авторовъ часто расходятся — это несомнѣнно, но что Театральному Обществу возможно будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ сглаживать эти противорѣчія — это тоже очевидно. Именно то влияніе, которое Театральное Общество приобрететъ на организацію драматическихъ писателей, дастъ ему возможность разрѣшить многіе вопросы въ смыслѣ примиренія интересовъ. Что же касается Общества драматическихъ писателей, то налагая свои контрибуціи, оно вѣдь и совсѣмъ ни съ кѣмъ не справлялось. Когда же на 1 Съѣздѣ возникли вопросы, касающіеся Общества драм. писателей, то оно надменно отказалось отъ всякаго ихъ обсуждения.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что одно авторское общество для театровъ выгодно, чѣмъ два. Но согласимся и съ тѣмъ безспорнымъ положеніемъ, что авторы имѣютъ право желать наилучшаго устроенія своихъ дѣлъ, такъ же, какъ и актеры. И если Общество драм. писателей, судя по нареканіямъ, не удовлетворяетъ многихъ — что же удивительнаго, что недовольные отложились? Не слѣдовало замыкаться въ своемъ величій, какъ это слѣдало Общество драм. писателей...

Кстати, сообщаемъ, что Уставъ Союза драматическихъ писателей разсмотрѣнъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ и близокъ къ утвержденію, можно надѣяться, цѣликомъ, за весьма малыми исключеніями.

Подъ заголовкомъ „Памяти П. М. Свободина“ намъ при-
слана слѣдующая замѣтка:

«Передо мной 42 № «Театра и Искусства», съ портретомъ П. М. Свободина, по случаю десятилѣтія его кончины. Я смотрю на это лицо, и десяти лѣтъ какъ не бывало, точно я сейчасъ вернулся изъ Михайловскаго театра, гдѣ смотрѣла комедію «Шутники», окончившуюся столь трагически.

Я была въ ложѣ съ моей товаркой по театру К—о; мы обѣ не отрывали глазъ отъ сцены. Пьеса шла съ рѣдкимъ ансамблемъ: Варламовъ, Потоцкая, Аполлонскій, Васильева, но выше всѣхъ былъ П. М. Свободинъ. Я его видѣла въ первый и въ послѣдній разъ.—Какъ сейчасъ помню третій актъ! Съ какой силой онъ былъ проведенъ П. М. Свободинъ! Я была въ такомъ состояніи, что не желая нарушать цѣльности впечатлѣній, не пошла по обыкновенію на сцену. Начинается четвертый актъ, въ началѣ котораго Оброшенова нѣтъ. Вдругъ занавѣсъ падаетъ... Я плохо помнила пьесу, которую читала давно, но чувствую, что что-то не ладно. Идемъ за кулисы, и у входа на сцену сталкиваемся съ полиціймейстеромъ театра. На немъ лица нѣтъ «Mesdames, не ходите на сцену, тяжело, ужасно». Поднимаемся на сцену. Торопливо прошли директоръ и управляющій конторой. Какъ передать то, что представилось нашимъ глазамъ? Кругомъ слезы всхлипыванья... Вотъ молодая артистка разражается истерическими рыданиями, ей торопливо подаютъ воду, слышны возгласы, «доктора, доктора», вотъ столпились служакіе и артисты, торопливо перебивающіе другъ друга... И среди всего этого хаоса ясно раздаются слова начальства: «Вы должны господа, играть. Публика заплатила деньги; чѣмъ-же она виновата» и т. д. Въ уборной съ мертваго артиста снимаютъ гримъ, а товарищей заставляютъ кончать пьесу, ссылаясь на публику... Поднимаютъ занавѣсъ (публикѣ объявили, что Свободину сдѣлалось «дурно») и его роль исполнитъ артистъ Петровъ), продолжается прерванный 4 актъ. Такую картину никогда не увидишь; на сценѣ Потоцкая и Васильева едва сдерживаютъ рыданія, Варламовъ едва произноситъ слова, и среди всѣхъ нихъ молодой артистъ Петровъ безъ грима, въ сюртукѣ читаетъ роль Оброшенова по книжкѣ... Какая-то жуть чувствуется въ публикѣ. Хотя объявлено было о болѣзни артиста, но слухъ быстро проникъ въ залу; взволнованныя лица артистовъ, слезы въ голосѣ, краснорѣчиво говорятъ о случившемся... И вотъ, чинная публика Михайловскаго театра начинается волноваться. На сценѣ слезы... въ публикѣ глухой ропотъ, который вотъ-вотъ разразится чѣмъ-нибудь неожиданнымъ... Нервы напряжены до послѣдней степени. И вдругъ всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ и ясно раздается голосъ: «занавѣсъ, занавѣсъ, довольно». Такъ кончается эта ужасная «комедія». Я не понимаю, чѣмъ руководствовало начальство, заставляя артистовъ кончать пьесу, вѣдь это же не былъ конецъ «Шутниковъ», написанный Островскимъ, а злая безсердечная шутка и надъ покойникомъ, и надъ артистами, и надъ публикой. Однако спектакль этимъ не кончился. Былъ ли увезенъ трупъ П. М. изъ театра,—не знаю, но оркестру было приказано играть веселый мотивъ передъ водевилемъ.—Никогда, ни подъ одинъ похоронный маршъ не было пролито столько искреннихъ, горячихъ слезъ, какъ подъ этотъ веселый мотивъ... Несмотря на протесты публики, оркестръ доигралъ и поднялся занавѣсъ. Должна была идти одноактная комедія Гнѣдича «Ненастье». Давыдовъ и Абаринава были въ состояніи произнести только нѣсколько словъ, потому что поднялся изступленный крикъ публики. «Занавѣсъ!» Артисты облегченно вздыхаютъ.

Давно это было,—а вопросъ остается такимъ же жгучимъ. Артистъ не имѣетъ права предаваться своему горю. Позже я была свидѣтельницей, какъ артисту Малаго театра, игравшему роль Короля въ «Орлеанской дѣвѣ», на генеральной репетиціи не хотѣли говорить, что его мать умираетъ. Павелъ Матвѣвичъ былъ лучшей товарищъ, артистъ съ чуткой душой. Онъ умеръ въ минуту высшаго художественнаго творчества среди артистической семьи, и эта семья не имѣла права плакать о немъ,—она должна была играть. А онъ въ это время былъ уже далеко отъ всей этой суеты и несправедливости...

Бывшая артистка Императ. театровъ *Е. Кирова*.

Отъ редакціи.

Редакція, приступая къ VIII и IX выпускамъ „Словаря сценическихъ дѣятелей“, проситъ гг. сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквъ И, Т и К, послѣдить высылкой портретовъ и біографическихъ данныхъ.

Записки рецензента.

II.

Кажется, Ницше—сказалъ: «Люди лгутъ передъ собой и передъ другими только потому, что мало знаютъ». Это справедливо только отчасти. Не лгать—значитъ быть правдивымъ. Однако правдивость и правда, являющаяся основнымъ мотивомъ всего прекраснаго, не совѣмъ одно и то же. Правдивымъ можетъ быть всякій, если только захочетъ, но правда, истина, какъ и все прекрасное—принадлежность меньшинства и нельзя научиться понимать ее. Вполнѣ понимать ее можетъ только тотъ, кто способенъ чувствовать красоту, а знаніе и наука, какъ извѣстно, только средства къ пониманію красоты. Но средство не есть еще цѣль. Это—только этапный пунктъ, съ котораго при благопріятныхъ условіяхъ можно достигнуть цѣли, а при неблагопріятныхъ—заблудиться и попасть совѣмъ не туда, куда стремишься. Только одухотворенные люди могутъ имѣть доступъ къ прекрасному (напр., къ искусству), тогда какъ знаніями, и даже большими знаніями, могутъ обладать даже посредственные люди. Это опредѣленно высказалъ гр. Л. П. Толстой, полагающій, что «искусство—не терпитъ посредственностей», изъ чего однако не слѣдуетъ, что посредственности не могутъ отчасти наслаждаться искусствомъ. Искусство—словно грандіозное свѣтило, разсѣвающее миллиарды лучей. Однимъ—лучи эти согреваютъ душу, другимъ—и душу согреваютъ, и освѣщаютъ тяжелый жизненный путь. Одни лучи падаютъ на восприимчивую почву, которая подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ испускаетъ ростки добра, правды и красоты,—другіе спотыкаются о невосприимчивую почву и только скользятъ по ней, чуть-чуть ее задѣвая. Вполнѣ же наслаждаться красотами свѣтила и разсмотрѣть на немъ и темныя, и свѣтлыя пятна можетъ только тотъ, у кого глазъ отъ природы приспособленъ для этого. Непривычный и неприспособленный глазъ легко можетъ ослѣпнуть.

Иначе говоря: постигать искусство и судить о немъ можетъ только тотъ, у кого въ душѣ отъ природы сокрыты сокровища, способныя разукрасить, разодѣть и расчленивъ на составные элементы красоту и все, что съ ней связано. Но, конечно, выраженіе Толстого—«искусство не терпитъ посредственностей»—допускаетъ исключенія. Даже больше: исключенія не только могутъ быть, но должны быть въ интересахъ же самого искусства, ибо «много званныхъ, но мало избранныхъ», которыхъ еле-еле хватаетъ на то, чтобы хоть изрѣдка вносить въ искусство нѣчто новое, т. е. подливать въ старыя мѣха обновляющую жидкость. Но искусство живетъ не только обновляющими соками, но и тѣмъ хорошимъ старымъ, что создавалось вѣками. Сохранить это старое для пользы искусства также важно, какъ и создать новое. И пусть этимъ «охраненіемъ» завѣтовъ и преданій стараго займутся, благо дѣло не такое ужъ мудрое, болѣе многочисленныя «званные», предоставивъ избраннымъ, которые очень рѣдки, созидать новое. Если не охранять искусство, то толпа, жизненный путь которой озаряется время отъ времени его отдѣльными лучами, своимъ прикосновеніемъ можетъ загрязнить это искусство, внося въ него элементы обыденщины и пошлости. Охранять искусство отъ этого прикосновенія, стоять на стражѣ между нимъ и толпой—это и есть истинное назначеніе критика,—назначеніе, которое онъ можетъ выполнить даже и въ томъ случаѣ, если не чувствуетъ силъ на созданіе новаго въ искусствѣ.

Но, увы, даже критику, преслѣдующему столь скромныя задачи, все же не достаточно однихъ знаній. Знаніе можетъ помочь отыскать методы изслѣдованія, но результаты изслѣдованія все-таки будутъ субъективны, а не объективны, о чемъ я мечталъ въ началѣ своей дѣятельности, какъ театральнаго рецензента. Да иначе и быть не можетъ: вся сила искусства въ тѣхъ личныхъ началахъ, которыя вносятъ въ него его творцы. Произведеніе искусства вообще и театральнаго въ частности только и захватываетъ насъ, когда въ немъ чувствуется личное «я» художника, совсѣмъ не похожее на то, что мы уже знаемъ. Искусство поэтому въ самой основѣ своей субъективно и оригинальность—главное украшеніе всякаго художника. Значить, и впечатлѣніе, производимое на каждаго изъ насъ всякимъ оригинальнымъ произведеніемъ искусства должно быть субъективнымъ потому—что оно ново для насъ и потому—что опытъ минувшихъ дней не могъ выработать определенныхъ взглядовъ на это новое, такъ какъ не зналъ его.

Тѣмъ не менѣе, я искалъ объективныхъ основаній. Что можно найти въ литературѣ о театрѣ и сценическомъ искусствѣ? Очень немного, въ общемъ. «Парадоксъ» Дидро? Я его прочиталъ. Допустимъ, что Дидро правъ: актеръ не долженъ волноваться страстью роли, чтобы передавать ее. Но подойдите съ этимъ критеріемъ къ исполнителямъ, и вы убѣдитесь, что имѣете дѣло съ «антиміей», съ неизгладимымъ, основнымъ противорѣчіемъ, о которомъ говоритъ Льюисъ. «Ежели онъ дѣйствительно чувствуетъ, говоритъ Льюисъ,—онъ не можетъ играть; но онъ равно не можетъ играть, если онъ безчувственъ». «Мы знаемъ, что всѣ безсмысленныя старанія крикливыхъ и гримасничающихъ актеровъ произвести эффектъ, продолжаетъ Льюисъ,—вся скука холодной, полной условныхъ движеній игры, мимики безъ жизни, происходитъ отъ безстрастнаго дарованія актера». Святая истина. Значить, сущность въ страсти. Но какъ опредѣлить ее? «Едва можно повѣрить, читаемъ мы въ той же книгѣ,—отъ какого незначительнаго отгѣнка звука, особенно въ мѣстахъ патетическихъ, зависитъ или высокая художественность, или полная безцвѣтность прочитаннаго». Какъ же опредѣлить этотъ отгѣнокъ? Невозможно. Это — тайна; непостижимое и неисповѣдимое. Льюисъ даетъ прекрас-

ныя характеристики актеровъ, но какое же можно извлечь объективное основаніе для сужденія, когда онъ, положимъ, говоритъ, что Сальвини въ «Отелло» даетъ несообразное соединеніе миловиднаго съ великимъ? И прежде всего, что такое «миловидное» и «великое»? Сколько людей, столько, пожалуй, и взглядовъ на то, что есть великое или миловидное.

Я жадно читалъ «Ученическіе годы Вильгельма Мейстера» Гете,—книгу, пересыпанную сентенціями о театрѣ, «Гамбургскую драматургію» Лессинга. Великіе умы восхищали меня, открывая мнѣ свѣтъ, проясняя мысль. Но если я сталъ, благодаря имъ, умнѣе, все же я не получилъ ни одного безусловнаго утвержденнаго положенія, которымъ могъ бы пользоваться практически, оцѣнивая игру актера Мухина-Симферопольскаго.

Тогда я обратился къ учебникамъ и руководствамъ сценической техники. Напримѣръ, я читалъ «Лекціи о сценическомъ искусствѣ» П. Д. Боборыкина. И вотъ что я читалъ тамъ: «Ревность есть мучительное наслажденіе, вызываемое созерцаніемъ непринадлежащей и, такъ сказать, отторгнутой красоты». У нѣмцевъ въ извѣстномъ каламбурѣ, это выходитъ еще рельефнѣе: «die Eifersucht macht Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leidenschaft». Что же изъ этого слѣдуетъ? А вотъ что: «Поэтому, въ выраженіи глазъ скажется, во-первыхъ, *интвное изумленіе*, слагающееся изъ *скорбнаго недоумѣнія и непріятнаго самочувствія*,

Группа профессоровъ петербургской Консерваторіи.

и во-вторыхъ, *затаенное бѣшенство*». «Скорбное недоумѣніе» выразится въ расширеніи зрачка и въ полураскрытомъ ртѣ; «непріятное самочувствіе», напротивъ, въ суженіи зрачка и въ опущенныхъ углахъ рта; что же касается «затаеннаго бѣшенства», то это ощущеніе отразится въ нависшихъ бровяхъ и плотно сомкнутыхъ устахъ.

Выходитъ, что одновременно зрачекъ долженъ быть и суженъ, и расширенъ, ротъ открытъ и закрытъ, и опущенъ, и поднятъ. Какъ же мнѣ прослѣдить все это на сценѣ, даже если это вполнѣ объективныя данныя, почерпнутыя изъ «Физиономики животныхъ» Дарвина?

Кстати, не могу не припомнить одного курьеза, случившагося со мной въ тотъ періодъ времени, когда я «штудировалъ» науку, и стремился писать рецензіи на объективныхъ основаніяхъ. Представился случай «показать себя». Мнѣ поручили написать объ

извѣстной заѣзжей труппѣ артистовъ, выступившей, кстати, и въ совершенно новомъ репертуарѣ. Просторъ представлялся большой: нужно было не только детально разобрать исполненіе актеровъ, но и дать серьезную оцѣнку репертуару. Вооруженный только-что вычитанными знаніями, я въ одинъ присѣсть написалъ длинную-предлинную рецензію. Боже мой, чего тутъ только не было! Цитаты изъ Прудона, Гете, Лессинга, Льюиса, Аверкіева, Боборыкина, Коровякова и т. д.—такъ и пестрѣли. Все было—такъ мнѣ казалось—«научно» обосновано, подтвержено ссылками и фактами, взятыми у наисерьезнѣйшихъ писателей. И что же?.. Рецензія не была напечатана... Когда я пошелъ къ редактору объясняться, то онъ съ первыхъ же словъ меня огорошилъ:

— Ну, батенька, и написали же вы!.. Умно-то умно, а только какъ будто скучно, словно не вы писали. Вотъ садитесь-ка да и расскажите мнѣ ваши впечатлѣнія о спектакляхъ, да не по ученому, а просто, какъ бы вы рассказывали за дружеской бесѣдой хорошему знакомому...

И я рассказалъ... Редакторъ тутъ же посадилъ меня за столъ и заставилъ все рассказанное записать, «не мудрствуя лукаво». Въ такомъ видѣ рецензія черезъ нѣсколько дней появилась въ печати, и, противъ всякихъ ожиданій съ моей стороны, имѣла такой успѣхъ у читателей, какой дотолѣ не имѣла ни одна изъ моихъ прежнихъ рецензій. Таковъ жестокій урокъ. Перечитывая потомъ много разъ свою рецензію я пришелъ къ заключенію, что она была столь же субъективна, какъ и прежніе мои критическіе отзывы, но въ ней чувствовалось больше увѣренности и убѣжденности, а главное—я легко и свободно разрѣшалъ тѣ вопросы, передъ которыми раньше становился втупикъ и до которыхъ путемъ большихъ усилій мнѣ нужно было «доходить своимъ умомъ». Убѣжденность и увѣренность тона, несомнѣнно, дала мнѣ работа. Сущность же рецензій была моя, субъективная. Я не былъ безчувственъ—въ этомъ была моя заслуга. Я владѣлъ собою, потому что зналъ,—въ этомъ было мое преимущество.

Да, рецензія должна быть субъективна, быть можетъ, менѣе самаго творчества, но во всякомъ случаѣ она должна представлять лично мнѣ принадлежащую форму «охраны» того, что я считаю истинною искусства. Иной вопросъ, на сколько субъективное впечатлѣніе критика близко къ истинѣ. Объ этой близости самому судить трудно, ибо каждый человекъ свои собственные сужденія полагаетъ наиболѣе соответствующими дѣйствительности. Но во всякомъ случаѣ искренность сужденій читателя поймутъ и оцѣнятъ. Фальшь и притворство, что бы тамъ ни говорили пессимисты, на словахъ презирающіе толпу, но живущіе только ею и только для нея, должны отвращать читателей. Люди какъ-то инстинктивно ищутъ истины, хотя почти никогда ее не понимаетъ. Въ это я вѣрилъ и это всегда мнѣ помогало работать.

Быть искреннимъ... Боже мой, какъ это трудно, особенно для театральнаго рецензента!.. Вдумайтесь посерьезнѣе, прошу васъ, въ положеніе рецензента. Онъ всегда себя чувствуетъ, словно между двухъ огней, о которые боится обжечься. Съ одной стороны передъ нимъ—толпа, увлекающаяся, необузданная, часто недисциплинированная,—толпа, расположенная только хвалить, но никакъ не порицать. Конечно, я говорю о толпѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова,—о толпѣ, въ которой преобладаетъ заурядный зритель, мало или совсѣмъ неанализирующий свои впечатлѣнія и создающій себѣ кумировъ подъ вліяніемъ минуты. Этотъ зритель судитъ объ актерѣ *только* по его достоинствамъ, а иногда

только по качеству тѣхъ чужихъ словъ, которыя произносятся актеромъ со сцены. Критикъ, наоборотъ, долженъ принимать во вниманіе столько же достоинства актера, сколько и недостатки, и даже послѣднее, пожалуй, больше, чѣмъ первое. Очевидно поэтому, что критику почти всегда приходится идти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ толпы. И какъ ни тяжело это, какъ ни трудно спорить съ мнѣніемъ большинства, это нужно сдѣлать, не обращая вниманія на то, что легко приобрести популярности, потворствуя вкусамъ толпы...

Съ другой стороны критику приходится сталкиваться съ интересами актеровъ.

Я не виню актера. Толпа—пьедесталь актера. Онъ живетъ, мыслитъ, думаетъ передъ толпой. И понятно, что на всѣхъ тѣхъ, кто старается хоть чуть-чуть поколебать его власть надъ этой толпой, онъ смотритъ какъ на своихъ личныхъ враговъ, покушающихся отнять у него самое дорогое въ его жизни—обожаніе толпы. Актеръ, по самому характеру своей дѣятельности, болѣзненно самолюбивъ и достаточно незначительнаго указанія на его какой-нибудь недостатокъ, чтобы онъ вышелъ изъ себя.

Итакъ, извѣрившись въ объективность, я сталъ поклоняться искренности. Что изъ этого вышло,—я расскажу въ дальнѣйшемъ.

Зетъ.

Audiat et altera pars.

(Письмо въ редакцію).

Будучи убѣжденъ, что редакція Вашего уважаемаго журнала чужда пристрастия при обсужденіи театральныхъ вопросовъ и во всякомъ случаѣ, не сочувствуетъ прискорбному антагонизму между Обществомъ русскихъ драм. писателей и Театральнымъ Обществомъ, прошу дать мѣсто слѣдующему моему письму по поводу передовыхъ статей въ №№ 40 и 41 и нѣк. др. статей и замѣтокъ, одновременно напечатанныхъ въ «Театрѣ и Искусствѣ».

Прежде всего я замѣчу, что лучше охранять «авторскій рубль», чѣмъ его охраняетъ давно окрѣпшее и охватившее всю Россію Общество драм. пис., кажется, невозможно. Охраняется онъ опытными, подобранными въ теченіе болѣе четверти столѣтія агентами. Отмѣченное какъ-то сравнительно позднее поступленіе гонорара за пьесы, идущія въ захолустьяхъ, происходитъ просто потому, что спектакли тамъ ставятся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, съ большими промежутками и при томъ болѣею частью «съ налету» кочующими труппами. Не успѣетъ иной агентъ опомниться и предъявить свои права, какъ труппа уже исчезаетъ изъ района его агенты, и агенту остается лишь немедленно увѣдомить о недоимкѣ Комитетъ, который отыскиваетъ должниковъ и принимаетъ свои мѣры ко взысканію недоимокъ, что конечно, требуетъ времени. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что захолустный агентъ, получивъ со спектакля рубля полтора-два и имѣя въ виду стоимость пересылки денегъ, афишъ и отчета, не торопится отсылкой, а ждетъ слѣдующей получки.

Общество драматическихъ писателей охраняетъ не только цѣлыя пьесы, какъ сказано было въ № 41 «Т. и Искусств.», но и отдѣльныя сцены, монологи, отрывки, рассказы Горбунова, Андреева-Бурлака, Чехова («Винтъ» напр.) и даже оперныя аріи, если онѣ исполняются въ соответствующихъ костюмахъ и обстановкѣ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи «Союзъ» драматическихъ писателей перевѣса имѣть не будетъ, ибо не можетъ выскрывать гонораръ за аріи и романсы, исполняемые въ дивертисментахъ *).

Благодаря допускаемому уставомъ Союза частному соглашенію автора съ провинціальными театрами, разумѣется, автор-

*) Въ уставѣ Союза, однако, заключается такое право, и сколько намъ извѣстно, пунктъ этотъ, при обсужденіи въ подлежащихъ вѣдомствахъ, не встрѣтилъ возраженій.

скій гонораръ можетъ возрасти, но по поводу извѣстныхъ дѣйствій гг. Бухарина и Хитрово, я читалъ въ «Театръ и Искусствѣ» болѣе симпатичныя для меня разсужденія *). «Союзъ» грозитъ вообще повышеишемъ авторскаго гонорара. Я имѣю въ виду предложеніе г. Билибина установить *минимальный* гонораръ въ 1 рубль съ акта, тогда какъ Общество драм. писателей начинаетъ съ 50 коп. Едва ли редакция «Театра и Искусствѣ» одобритъ такое обремененіе театральныя бюджетовъ **).

Какъ человекъ, давно ужъ и близко стоящій къ затронутымъ вопросамъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе еще на слѣдующее. Хотя Театральному Обществу приходится идти уже по проторенной дорогѣ и имѣть дѣло съ устроителями спектаклей, уже приученными оплачивать авторскій трудъ, однако, какъ мнѣ положительно извѣстно, доселѣ еще во многихъ мѣстахъ авторское право членовъ Союза пока не охраняется, а кое-гдѣ охраняется очень слабо.

Со временемъ это устроится, конечно, но придется завести дорого стоящую канцелярію. Вѣдь выдавать формальныя

(1 рубль гербовая марка, 1 рубль нотаріусу плюс стоимость бланка и пересылки заказнымъ письмомъ),—иначе ни любители, ни тѣмъ болѣе актеры и антрепренеры денегъ платить отнюдь не стануть. Затѣмъ, печатаніе каталоговъ и дополненій къ нимъ,—довольно частая смѣна уполномоченныхъ по разнымъ причинамъ. Все это потребуетъ большихъ и притомъ совершенно непроизводительныхъ, лишнихъ при существованіи одного окрѣпшаго общества, расходовъ.

Въ заключеніе скажу еще одну горькую истину: трудъ по сбору авторскаго гонорара далеко не такъ легкокъ и приятенъ, какъ это можетъ казаться со стороны. Это—трудъ ветхозавѣтнаго мытаря. Агенту, помимо самой шепетильной аккуратности при записяхъ спектаклей, выдачѣ квитанцій и отчетности въ чужихъ деньгахъ, постоянно приходится бороться со всевозможными ухищреніями и уклоненіями отъ платежа даже со стороны, повидимому, солидныхъ антрепренеровъ,—ухищреніями, до уголовно наказуемыхъ преступленій включительно. Участь же заходустныхъ агентовъ зачастую бы-

— ❧ Н О В Ы И Т Е А Т Р Ъ . ❧ —

«Сонъ жизни». Н. Фальковского.
Послѣднее дѣйствіе.

довѣренности, разсылать по всей Россіи инструкціи, каталоги пьесъ съ постоянными дополненіями и исключеніями, высылать цѣлымъ сотнямъ уполномоченныхъ, получать отъ нихъ и провѣрять ихъ ежемѣсячные отчеты, препровождаемые со списками пьесъ, афишами и деньгами, контролировать ихъ по афишамъ изъ Главнаго управленія по дѣламъ печати, отвѣчать на всевозможные запросы, разбирать и разрѣшать неизбѣжныя недоразумѣнія, а подчасъ и споры—трудъ безусловно не легкій, отвѣтственный и долженъ быть хорошо оплаченъ. Одни почтовые расходы по перепискѣ будутъ ежегодно достигать солидной суммы, а, кромѣ того, каждый изъ сотенъ уполномоченныхъ (независимо отъ того, сколько онъ пришлетъ въ кассу Союза) долженъ же быть снабженъ и нотаріальной довѣренностью на полученіе авторскаго гонорара

*) Мы и теперь придерживаемся того же взгляда, и нигдѣ не высказали, что радуемся этому пункту. То, что мы всегда считали правильнымъ, это—процентное вознагражденіе со сбора, и думаемъ, что въ большихъ городахъ, гдѣ легко произвести учетъ, такъ и будетъ.

Прим. ред.

**) Говорить о томъ, что сдѣлаетъ Союзъ, можно будетъ лишь тогда, когда онъ откроетъ свои дѣйствія. Пока идетъ рѣчь только объ уставѣ, въ которомъ ничего не говорится о нормѣ гонорара.

Прим. ред.

васть даже просто плачевна: актеры жалкихъ, бродячихъ труппъ (какихъ, увы, можно считать чуть не сотнями), не успѣвъ обмануть бдительнаго агента, сплошь и рядомъ предлагаютъ ему, взаменъ денегъ, свой дырявые сапоги или пиджаки, горчатся, спорятъ, говорятъ дерзости или чуть не плачутъ и въ концѣ концовъ, ухитряются занимать деньги у самихъ агентовъ на хлѣбъ, выѣздъ и т. п. Вѣдь сердце и у агента не камень, а актеры по самой профессіи своей мастера играть на нервахъ, сгущать краски и источать слезу... Я не говорю здѣсь, конечно, о дѣйствительно бѣдствующихъ, нуждающихся и заслуживающихъ поддержки, хотя и эти послѣдніе, разумѣется, прежде всего обращаются за содѣйствіемъ и сильной помощью къ агентамъ, какъ мѣстнымъ жителямъ и близко стоящимъ къ театру.

Быть агентомъ выгодно только въ десяткѣ, много—двухъ, большихъ городовъ, гдѣ имѣется 2—3 постоянныхъ театра и гдѣ процентное вознагражденіе достигаетъ 300 и болѣе рублей въ годъ, въ остальныхъ же сотняхъ городовъ и тысячахъ мѣстечекъ для предприимчиваго человѣка гораздо выгоднѣе брать агентуру любого страхового общества.

Но, если не выгодно съ матеріальной стороны быть агентомъ окрѣпшаго Общества драмат. писателей, охраняющаго права безъ малаго тысячи драматурговъ, что же въ такомъ случаѣ сказать о доходахъ гг. почтово-телеграфныхъ чи-

новниковъ, которыхъ, общая заработокъ, приглашаютъ въ уполномоченные Театрального Общества? Годовой доходъ ихъ выразится буквально въ копѣйкахъ, за которыя, однако, имъ придется вести книги для записи спектаклей, писать, отписываться и играть тяжелую роль «мытарей».

Въ настоящее время, благодаря вторженію Союза, отъ гг. уполномоченныхъ требуется не только безкорыстное служеніе благороднымъ идеямъ Театрального Общества, но и интересамъ нѣкоторыхъ гг. драматурговъ, т. е. одною рукою они обявляются снимать сапоги съ актеровъ въ пользу «Союза» (спорить и ссориться съ актерами), а другою имъ же выдавать пособия отъ «Театрального Общества».

Конечно, изъ этого курьезнаго положенія возможенъ выходъ, если взиманіе гонорара или освобожденіе отъ него будетъ предоставлено *усмотрѣнію* гг. уполномоченныхъ *).

Признаться, я еще не понимаю, почему Театральное Общество обратило свое благосклонное вниманіе на корпорацію именно почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Чиновники этого вѣдомства страшно обременены собственной службой; они не имѣютъ даже праздниковъ, служатъ и до и послѣ обѣда; принимаютъ почту и телеграммы чуть не во всякое время дня и ночи, довольно часто получаютъ разныя служебныя командировки.

Ужъ лучше бы обратиться по-моему, къ дирекціямъ народныхъ училищъ: школъ у насъ не меньше почтово-телеграфныхъ конторъ, и народные учителя обязательныхъ вечернихъ занятій нигдѣ не имѣютъ.

Высшій уполномоченный.

Ж. Лебланъ (создательница роли М. Ванны).

Рисунокъ самой артистки.

ХРОНИКА

театра и искусства.

21 октября состоялось молебствіе во вновь открытомъ пріютѣ для дѣтей сценическихъ дѣтей. Пріютъ помѣщается въ небольшомъ деревянномъ домѣ-особнякѣ на Петербургской сторонѣ, по Введенской улицѣ. Квартира состоитъ изъ 6 чистыхъ, свѣтлыхъ и сухихъ комнатъ и рассчитана первоначально, до перехода въ новое помѣщеніе (прежнее зданіе Убѣжища) на 10—12 дѣтей. Съ переходомъ въ новое помѣщеніе, число пансіонеровъ будетъ доведено до 40. Дѣти (въ настоящее время 4 дѣвочки 3 мальчика, въ возрастѣ отъ 3 до 11 лѣтъ) находятся подъ присмотромъ Е. И. Ермолаевой, опытной и интеллигентной воспитательницы, и помощницы ея, специалистки по «Фребелевскому методу». Трудно достаточно краснорѣчиво выразить чувство умиленія, которое охватываетъ посѣтителя пріюта, при видѣ бѣдныхъ, заброшенныхъ «актерскихъ дѣтей», пользующихся здѣсь такимъ вниманіемъ и уходомъ. Съ какимъ искреннимъ дѣтскимъ восторгомъ бросаются

эти малыши на шею любимому «дядѣ», А. Е. Молчанову. Какіе они веселые, счастливые, радостные! «Они очень много вѣдаютъ» выразилась въ разговорѣ Е. И. Ермолаева. «Отвѣдаются!» философски замѣтилъ посѣтитель, хорошо знающій условія жизни «актерскихъ дѣтей». Маленькій мальчикъ, ложась спать, всегда читаетъ импровизированную молитву: «дай намъ, Боженька, завтра молочка и картофеля!» Въ этомъ незамысловатомъ меню—его идеаль, — идеаль, почерпнутый изъ опыта полуголодной актерской жизни...

Я присутствовалъ при «подвижныхъ играхъ» дѣтей, по Фребелевскому способу. Дѣти пѣли какую-то незамысловатую пѣсню, ставши въ кружокъ и держась за руки. Они пѣли очень согласно, на что нельзя было не обратить вниманія.

— Отличный слухъ у всѣхъ, подтвердила воспитательница, — актерскія дѣти!.. Я очень рада, что они поютъ эти пѣсенки, а то, до этого, нѣкоторые упражнялись въ пѣніи куплетовъ. Одинъ мальчикъ все говорилъ сестречкѣ: давай споемъ изъ «Бѣдныхъ овечекъ» то, что не разрѣшилъ поллиеймейстеръ...

Но они невинны и наивны эти дѣти, вмѣстѣ съ тѣмъ, до чрезвычайности. Рѣдко можно встрѣтить такихъ чистыхъ, душой незапятнанныхъ, несмотря на куплеты изъ «Бѣдныхъ овечекъ», ребятъ. И тутъ сказались пороки — актерская порода, такая чистая и наивная, вопреки грязи, которая подчасъ окружаетъ актерскую семью.

Радостное впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ обзорѣнн пріюта, надолго сохранится у меня въ душѣ. Прекрасное дѣло задумалъ А. Е. Молчановъ, и пужно, чтобы весь сценический міръ пришелъ на помощь пріюту пожертвованіями. Изъ расходныхъ суммъ Театрального Общества предполагается ассигновать на содержаніе пріюта 5,000 р. ежегодно, но этого, конечно, мало для содержанія его. Увѣренъ, что актерскій «народъ» отзовется на пискъ этихъ милыхъ ребятишекъ, — безпризорныхъ актерскихъ дѣтей!..

Н. пов.

* * *

24 октября состоялось открытіе сезона театра Литературно-Художественнаго Общества историческою драмою А. С. Суворина «Царь Дмитрій Самозванецъ и царица Ксенія». Театръ былъ совершенно полонъ. Автора вызывали много разъ, особенно послѣ 4 и 5 картины и по окончаніи пьесы.

Драма А. С. Суворина очень интересно задумана. «Царь Дмитрій Самозванецъ» — а не «Лжедмитрій». По мысли автора, совѣтъ не столь «парадоксальной», какъ объ этомъ писали заявить нѣкоторые рецензенты, лицо, известное подъ именемъ Лжедмитрія, было, увѣждено въ царственной своемъ происхожденіи. Это новое освѣщеніе одного изъ наиболѣе драматическихъ эпизодовъ «смутнаго времени», безспорно, представляетъ большой психологическій интересъ. Нѣкоторыя сцены драмы, какъ картина — бунтъ московскаго народа, вторгающагося во дворецъ Годуновыхъ, написаны съ большею силою и выразительностью; другія, какъ сцена Дмитрія съ Ялоловскими, когда припадокъ эпилепсіи прерываетъ потокъ горячихъ, возбужденныхъ рѣчей исполненнаго царскаго величія Дмитрія — обнаруживаютъ мастерство художника слова.

Драматургъ борется все время съ историкомъ, и если нѣкоторыя картины производятъ на сценѣ впечатлѣніе не столь глубокое, то, думается, это объясняется тѣмъ, что историкъ ревниво оберегалъ накопленный по рѣдкимъ источникамъ матеріалъ и заграждалъ эпическимъ сказаніемъ путь драматическаго дѣйствія.

Это, столь любовно и тщательно обработанное произведеніе, слѣдуетъ признать значительнымъ вкладомъ въ ту область драматургіи, которую принято называть «историческою хроникой» и которая представляетъ большія, можно сказать, необычайныя трудности при выполненіи, на первый взглядъ, соблазнительной задачі. Недостатокъ времени заставляетъ насъ отложить до слѣдующаго номера болѣе подробную оцѣнку драмы А. С. Суворина Сравненіе этой новѣйшей пьесы съ драмами Островскаго, Чаева и др. на тотъ же сюжетъ даетъ обильный и любопытный матеріалъ для выводовъ.

Пьеса поставлена съ большимъ стараніемъ и умѣньемъ. Почти вся труппа была занята въ драмѣ, и хотя не всѣ роли выпали соотвѣтственныхъ исполнителей, все же общій ансамбль заслуживаетъ похвалы.

А. К.

* * *

† А. А. Майковъ. 17-го октября (см. № 43) скончался въ Москвѣ Аполлонъ Александровичъ Майковъ. А. А. былъ двоюродный братъ знаменитаго поэта Аполлона Майкова и известнаго ученаго — товарища предсѣдателя Академіи наукъ — Леонида Майкова. Онъ получилъ блестящее воспитаніе и широкое образованіе. Окончивъ университетъ въ 1847 г. А. А. довершилъ свое образованіе за границей, гдѣ занялся изученіемъ славянскихъ

*) Что и предполагается слѣлать. Опять повторяемъ, что это вопросъ организаціи Союза и его внутреннихъ порядковъ.

Прим. ред.

литературъ, къ которымъ онъ тяготѣлъ еще будучи студентомъ. Въ августѣ 1887 года А. А. Майковъ былъ избранъ въ адъюнкты для преподаванія русскаго языка и литературы въ московскомъ университетѣ, но черезъ два года оставилъ эту службу. Къ тому же времени относится рядъ статей А. А. по общественнымъ вопросамъ русскаго жизни въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Бесѣдѣ», которой нѣкоторое время былъ даже издателемъ, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Голосѣ», въ «Очеркахъ», въ «Московскомъ Телеграфѣ», въ «Новомъ Времени» и въ «России». Одновременно съ научными трудами А. А. Майковъ былъ искренно преданъ русскому театру. Еще въ молодости онъ вмѣстѣ съ В. И. Родиславскимъ перевелъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Актриса» на сценѣ московскаго Малаго театра съ Н. М. Медвѣдовой въ роли Леонтины имѣла шумный успѣхъ. Кроме того имъ написанъ образцовый разборъ драмы Писемскаго «Горькая судьбина», помѣщенной въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1860 году.

† А. А. Майковъ.

Литературныя и артистическія связи покойнаго были очень обширны. Вся блестящая плеяда русскихъ писателей и публицистовъ второй половины прошлаго вѣка прошла мимо него въ близкомъ дѣловомъ съ нимъ общеніи и непосредственно была связана съ нимъ узами дружбы, уваженія, общности вкусовъ, стремленій и взглядовъ. Такая же связь была у покойнаго А. А. Майкова со всѣмъ артистическимъ и близкимъ къ театру міромъ, чему помогало ему также и то, что онъ состоялъ въ продолженіи почти тридцати лѣтъ казначеемъ общества драматическихъ писателей. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка А. А. Майковъ, вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ завѣдывалъ московскими театрами. Умеръ онъ 78 лѣтъ. Какъ человекъ А. А. Майковъ отличался радушіемъ, готовностью придти на помощь каждому, каждому служить и дѣломъ и совѣтомъ.

* * *

† В. И. Заремба. Въ Кіевѣ 19 октября скончался одинъ изъ старѣйшихъ композиторовъ-педагоговъ Владиславъ Ивановичъ Заремба. Покойный родился 15 іюня 1833 г. Съ 1862 года жилъ въ Кіевѣ въ качествѣ преподавателя игры на фортепиано при Левашовскомъ пансіонѣ и др. Заремба написалъ больше 30 пѣсенъ на слова Шевченко (Музыка до Кобзаря), польскіе романсы и пѣсни и фортепианныя переложенія малорос. народныхъ пѣсенъ, а также составилъ «Сборникъ пѣсенъ польскихъ композиторовъ».

* * *

Въ залѣ Павловой состоялось на прошлой недѣлѣ нѣсколько спектаклей.—Такъ 18 октября въ пользу вспомоществованія учащимся въ С.-Петербурѣ Вологжанамъ въ залѣ Павловой, мило и оживленно была разыграна комедія «Въ горахъ Кавказа». Изъ участвующихъ можно отмѣтить г-жу Топорскую, веселую и бойкую Тото и г. Травинскаго, типичнаго полковника Чубукъ-Подольскаго. 21 октября, дана была Василиса Мелентьева, подъ управленіемъ г. Рапопорта. Трудная для случайной группы, пьеса прошла дружно. Особенно удалась роль Грознаго г. Федорову. Хорошій шутъ г. Словаковъ и не дурной Малюта-Скуратовъ—Фроловъ, напрасно только загримировался слишкомъ ярко красно-рыжимъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Само собой понятно, что я буду говорить о «немъ», о томъ, чье имя не сходитъ съ устъ москвичей за послѣднюю недѣлю, вокругъ котораго кипитъ словесная война, раздувая на дрожжяхъ рекламы и безъ того достаточно раздутой репутаціи. Именно я буду говорить о г. Шаляпинѣ. То, на что дерзнулъ г. Шаляпинъ, нѣчто новое, и до такой степени неслыханное, что несомнѣнно занесется въ лѣтописи театра. 150 рублей за ложу, по 50 руб.

за кресло—таковы цѣны «душки-баса». Это—двойныя цѣны противъ тѣхъ, что назначила когда-то Патти, и что вызвало скандалъ. Но г. Шаляпинъ зналъ, что дѣлаетъ, назначая такія цѣны. Онъ достаточно хорошо понимаетъ и презираетъ богатую московскую публику, и не церемонится съ нею. Я разумно публику изъ того тѣснаго круга высшаго купечества, которая ради форсу готова выкинуть «тыщу», для того, чтобы, какъ говорить въ одномъ изъ романовъ г. Боборыкина героиня изъ Китай-города, «поддержать блескъ фирмы». И потомъ «психопатки»!.. Не ваши петербургскія, тшесушныя, крикливыя, истеричныя, полуголодныя и именно, быть можетъ, съ голоду бѣснующіяся, нѣтъ, наши дороднѣйшія, именитѣйшія дамы изъ купечества, сидящія надъ кубышкой и сохранившія въ заплывшемъ жиромъ сердцѣ молодая чувства. Такая, для «душки» не токма что билетъ—что билетъ!—пять, десять билетовъ возьметъ, да еще «супризь» въ видѣ брилліантовъ поднесетъ. «Можетъ ли какая банщица супротивъ нашей мануфактуріи»!..

И г. Шаляпинъ хорошо понимаетъ эту психологію и навѣрняка разсчиталъ, что какія цѣны ни назначитъ онъ, театръ будетъ переполненъ. Дѣйствительность превзошла ожиданія. Билеты расхватывали между «своими», такъ что и кассу-то отпирать не пришлось. Разумѣется, не «своя» публика, у которой нѣтъ ни шальныхъ денегъ, ни мануфактуръ, ни бань, въ театръ не попадетъ, но о ней дирекція меньше всего и думаетъ. Впрочемъ, оставимъ Шаляпина съ его бенефисомъ. Но обратите вниманіе на репертуаръ Императорской оперы за прошлую недѣлю: это какой-то сплошной, вѣчный праздникъ. За всю недѣлю ни одного спектакля по обыкновеннымъ цѣнамъ. Все возвышенныя, да возвышенныя! То потому, что изводитъ пѣтъ г. Собиновъ, то г. Фигнеръ удостаиваетъ, то самъ г. Шаляпинъ благодѣтельствуетъ. Такимъ образомъ лучшая часть публики, которая «самому» Шаляпину предпочитаетъ музыку, находится въ полномъ пренебреженіи. Имѣютъ ли право казенныя театры игнорировать интересы лучшей, интеллигентной публики?... Это какое-то недоразумѣніе, и достоинство самихъ театровъ требуетъ, чтобы оно разсѣялось какъ можно скорѣе.

Въ пятницу открываетъ (разверзаетъ) свои двери Художественный театръ. Изъ газетъ вы уже имѣете описанія новаго помѣщенія театра. Богато, изяшно, хотя не безъ нарочитой простоты—таково общее впечатлѣніе... При способленіи бывшаго омовскаго театра обошлось дирекціи художественнаго театра въ 400,000 руб. Вообще, чрезвычайно солидно. Еще былъ въ директорахъ «самъ» Савва Тимофѣевичъ Морозовъ, владыка нижегородской ярмарки. Трогательное единеніе искусства, хотя и общедоступнаго, съ капиталомъ... Символы—символами, эмблема въ видѣ чайки—эмблемой, но для крѣпости—именитый миллионеръ. Нѣтъ ли и здѣсь какого-нибудь символа? Именно въ томъ, что союзъ съ мануфактурнымъ капиталомъ есть какъ бы предъказаніе «мануфактурности», какъ идеала сценическаго искусства...

С. Т. Морозовъ.

Возбуждаетъ любопытство фойе театра, обращенное въ нѣкоторомъ родѣ въ портретную галерею или «пантеонъ безсмертныхъ». Въ число «безсмертныхъ» попали и гг. Тимковскій, (!!) и Гославскій (?). Пропущены, однако г. Ждановъ, кн. Барятинскій и г-жа Свербѣева. Изъ критиковъ увѣковѣченъ на ряду съ Бѣлинскимъ и Аполлономъ Григорьевымъ, покойный Флеровъ. Последнее нужно разсматривать, какъ проявленіе мѣстнаго патриотизма...

Еще особенностью новаго театра: въ надписяхъ, которыми пестрятъ стѣны, отсутствуетъ «ъ»... Это тоже протестъ?.. Странно, что дирекція этимъ ограничилась и для вышаго удовольствія гимназистовъ не выбросила буквъ «ѣ». Это было бы весьма либерально и смѣло, и умалило бы вовлеченіе архи-реакціоннаго Флерова, испытаннаго сотрудника московскихъ «курантовъ», въ число «безсмертныхъ».

Относительно изгнанія репортеровъ изъ курятника Импе-

раторскихъ театровъ я поторошилс я радоваться. Репортеры опять на своихъ мѣстахъ. Это значитъ: «гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно». Примиреніе состоялось, но какою цѣною, на какихъ условіяхъ, и на долго ли,—пока неизвѣстно.

Дѣло народныхъ развлеченій отдано попечительствомъ о трезвости въ руки г. Лентовскаго. И прошлая искусственная дѣятельность «мага и волшебника» изъ садовыхъ увеселителей, и его «теоретическіе» взгляды, выраженные, печатно, нѣсколько лѣтъ назадъ, говорятъ достаточно за то, во что обратится народный театръ въ его рукахъ. «Апофеозъ великому пути», «Ермакъ Тимофеевичъ» и прочая дребедень—собственного производства—таковъ репертуаръ будущаго народного балагана...

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ труппу театра «Эрмитажъ», сформированную для намѣченныхъ постановокъ исторической хроники В. Крылова «Петръ Великій» и обстановочной пьесы «12 годъ», между прочимъ, вошли гг. Левицкій, Форкатти, Манько, г-жи Зарницкая и Линицкая; режиссеромъ—г. Сусловъ.

— Новый театръ г. Омона, подъ наименованіемъ «Декадансъ», открылъ сезонъ еще не шедшей опереткой «Достойная чета» съ г-жей Вильцевой и г. Сѣверскимъ. Ложи стоили 200 р.! Какой развратъ!

— Артистка Большаго театра г-жа Габріэль Кристманъ на этой недѣлѣ второй разъ оштрафована въ размѣрѣ $\frac{1}{60}$ годичнаго гонорара за отказъ пѣть въ «Риголетто».

— Въ театрѣ Корша, въ бенефисъ кассира Копалинскаго, была поставлена новая пьеса «Бѣлыя крылья». Щепкиной-Куперникъ. По словамъ газетъ, пьеса не имѣла никакого успѣха, несмотря на хорошее исполненіе главныхъ ролей. Слѣдующій бенефисъ г-жи Мартиновой, которая ставитъ «Ложь».

— Въ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по иску артиста Сарматова къ г. Омону и г-жи Пуаре. 27 октября г. Сарматовъ получилъ отъ гг. Омонъ и Пуаре извѣщеніе, что вслѣдствіе его нетрезвости во время спектаклей онъ больше у нихъ не служить и замѣщенъ другимъ. Сарматовъ пришелъ объясниться. Ему выдали 72 рубля жалованья по 27 октября и еще 500 р. за слѣдующій ему несостоявшийся бенефисъ. Сарматовъ подалъ въ окружной судъ жалобу о нарушеніи договора, тѣрпя съ г. Омона и Пуаре неустойку въ 1600 р. Одни изъ свидѣтелей показывали, что Сарматовъ не пьетъ. Другіе утверждали, что въ нетрезвомъ видѣ онъ играетъ еще лучше. Судъ удовлетворилъ искъ Сарматова.

— На-дняхъ же въ камерѣ мирового судьи разбирается другое «артистическое» дѣло. Г. Молдавцевъ побилъ корректора какой-то типографіи и зато приговоренъ къ 5-дневному аресту безъ замѣны штрафовъ.

— Г-жа Дальская 12 октября уплатила неустойки артистамъ, проживающимъ въ Москвѣ. Сумма неустоекъ—5135 р. Артисты послали А. Е. Молчанову благодарственную телеграмму.

— На второй недѣлѣ Великаго поста прѣзжаетъ въ Москву М. Г. Савина и дастъ восемь спектаклей въ театрѣ «Эрмитажъ».

— Новый театръ поставилъ «Виндзорскихъ кумушекъ».

* * *

21 октября въ московскомъ Маломъ театрѣ шла новая пьеса г. Тимковскаго «Слабые и сильные». По словамъ «Нов. Дня», «драма г. Тимковскаго — не столько художественное превоплощеніе жизни, сколько продуктъ ума, кабинетнаго, расудочнаго сочинительства». Въ персонажахъ «не чувствуется біеніе настоящей, живой жизни, которую авторъ видѣлъ, наблюдалъ и переживалъ». Въ нихъ мало настоящаго «настроенія», они отразились не столько въ фантазіи и въ душѣ, сколько въ умѣ автора «Слабыхъ и сильныхъ».

«Въ «Сильныхъ и слабыхъ», продолжаетъ критикъ, схема безусловно преобладаетъ надъ живымъ образомъ, и творческая фантазія автора на побѣгушкахъ у его основной идеи». «Первыя три дѣйствія пьесы слишкомъ длинно и немножко нудно накапливаютъ матеріалъ».

По словамъ «Кур.», «всѣ разговоры въ пьесѣ, всѣ эти опошленные слова «настроенія» о пустотѣ и монотонности будничнаго прозябанія, подслушаны не у реальной жизни, а являются рабскими эхомъ чужихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ, они звучатъ для зрителя однообразной и тягостной нотой; а изобиліе слезъ и истерикъ раздражаетъ нервы».

«Очень скудная дѣйствіемъ и живостью, пьеса г. Тимковскаго является не столько развитіемъ характеровъ, сколько длинной защитой опредѣленнаго тезиса, и ея четыре акта—это просто на просто четыре аргумента».

По словамъ «Рус. Вѣдом.» «зритель присутствуетъ при безконечныхъ жалобахъ и истеричныхъ выкрикиваніяхъ; начиная съ перваго акта и кончая предпоследней сценой, раздается тягучая, длинная, нескончаемая, какъ осенняя ночь, жалоба на скуку, на безцѣльность жизни, на отсутствіе силъ

и радостей. Но, растянутая или короткая, какой матеріалъ даетъ пьеса для выводовъ? Дѣйствительную-ли жизнь представляетъ она? Изъ пьесы мы не узнаемъ этого, и потому дѣйствующія лица теряютъ для насъ значительную долю своего интереса».

* * *

Слухи и фанты.

— По словамъ газетъ, г. Найденовъ написалъ новую пьесу, драму «Блудный сынъ», которая пойдетъ въ Москвѣ въ театрѣ Корша.

— По дѣлу несостоятельности г-жи Шабельской учреждается, какъ мы слышали, администрація. Общая сумма претензій простирается до 160,000 руб. Самымъ крупнымъ кредиторомъ является представитель электрической фирмы, г. Ратнеръ, претензіи котораго составляютъ 40,000 руб. Администрация предполагаетъ продолжать хозяйственную эксплоатацию театра и имущества г-жи Шабельской.

— Театръ Корша прислалъ къ открытію сезона петербургскаго Литературно-Художественнаго Общества поздравительную телеграмму.

— Сборы на «Ипполита» были слѣдующіе: 2 спектакля—700 р., 3—400 р. Тѣмъ не менѣе, «Ипполитъ» значится и въ репертуарѣ будущей недѣли.

— Пьеса г-жи Богдановой «Разводъ Леонтьевыхъ», предположенная къ постановкѣ на сценѣ Александринскаго театра, пойдетъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества.

* * *

4 ноября исполняется 30-лѣтіе со дня постановки на сценѣ московскаго Малаго театра первой комедіи М. В. Карнѣева «Осторожнѣе съ огнемъ». М. В. Карнѣевъ извѣстенъ, не только какъ авторъ многихъ пьесъ, шедшихъ на разныхъ сценахъ, но и какъ знатокъ театральнаго дѣла и истинный другъ всѣхъ актеровъ, антрепренеровъ и прочихъ театральныхъ людей. Еще будучи студентомъ, онъ началъ работать для театра, и съ этихъ поръ театръ составилъ для него главный интересъ жизни. Онъ писалъ и переводилъ пьесы, велъ театральную хроніку, печаталъ статьи по специальнымъ вопросамъ, біографіи артистовъ и превосходно изучилъ театральную старину. Можно смѣло сказать что, какую бы пьесу ни возобновили, М. В. безъ справокъ укажетъ, когда эта пьеса была играна, кто въ ней игралъ, имѣла-ли она успѣхъ и какой о ней былъ отзывъ. Благодаря своей популярности въ театральномъ мірѣ, М. В. Карнѣевъ устраивалъ судьбу начинающихъ молодыхъ актеровъ, и многие изъ сценическихъ дѣятелей, занимающіе теперь видныя мѣста въ провинціи, обязаны ему своимъ настоящимъ положеніемъ. Изъ пьесъ М. В. Карнѣева 18 были играны на сценахъ Императорскихъ театровъ, другія же шли на частныхъ столичныхъ сценахъ и въ провинціи. Особенною популярностью пользовалась комедія «Маруся», выдержавшая въ одинъ сезонъ тридцать представлений на сценѣ Александринскаго театра, съ М. Г. Савиной, про исполненіе которой роли Маруси Д. В. Аверкиевъ въ «Голосѣ» (1878 г., № 8) писалъ слѣдующее:

«Кто изъ петербуржцевъ не выдалъ нѣсколько разъ г-жи Савиной въ роли Маруси? Кто не восхищался ею въ этой пьесѣ? Что за жизнь, что за непринужденность, какава правда во всякой рѣчи, взглядѣ, малѣйшемъ движеніи! Какъ не сказать, что вотъ это и есть настоящее искусство?»

* * *

Г. Орленевъ обратился изъ Мариуполя съ просьбою въ Совѣтъ Театральнаго Общества: исходатайствовать ему разрѣшеніе на постановку «Мѣщанъ». Любопытно, что г. Орленевъ не состоитъ и по сей день членомъ Общества. Совѣтъ отклонилъ просьбу г. Орленева.

* * *

Мы получили слѣдующее письмо: Скрипачамъ навѣрно будетъ очень интересно узнать, что у насъ на Руси есть свой Страдиваріусъ.

Преподаватель керченскаго ремесленнаго училища Лука Андреевичъ Марьяненко, послѣ многолѣтняго упорнаго труда достигъ такого совершенства въ изготовленіи скрипокъ, что его инструменты могутъ конкурировать со скрипками знаменитыхъ древнихъ мастеровъ. И это не преувеличеніе. Я, зная какъ трудно достать и какъ дорого надо заплатить, чтобы имѣть хотя порядочный инструментъ, просилъ г. Марьяненко, выслать мнѣ скрипку его работы. Полученный мною инструментъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Не говоря уже про внѣшній видъ, который благодаря прекрасной и тщательной работѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго, присланная мнѣ г. Марьяненко скрипка отличается обширнымъ, чрезвычайно приятнымъ тономъ, сильнымъ и въ то же время нѣжнымъ, мягкимъ и, кромѣ того, въ ней совершенно отсутствуетъ столь обыкновенная въ новыхъ скрипкахъ рѣзкость и сырость звука и инструментъ звучитъ какъ давно обыгранный. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ и еще будетъ лучше современемъ.

Принося г. Марьяненко искреннюю признательность за доставленный имъ мнѣ прекрасный инструментъ, далеко превосходящій качествами ту небольшую сумму, которую я уплатилъ ему, считаю своею обязанностью подѣлиться съ гг. скрипачами своими впечатлѣніями и обратить ихъ вниманіе на замѣчательный талантъ г. Марьяненко. *Н. Миловскій.*

ОПЕРЕТОЧНАЯ ТРУППА ПАНАЕВСКАГО ТЕАТРА.

Г. Михайловъ (теноръ).

Намъ пишутъ изъ Саратова. Въ № 39 «Театръ и Искусства» появилась замѣтка слѣдующаго содержания: «22 октября исполнится столѣтіе со дня основанія въ Саратовѣ постоянного театра. Основатель его былъ А. Д. Панчулидзе (тогда саратовскій губернаторъ)». Слѣдовательно, первый публичный спектакль въ постоянномъ театрѣ долженъ былъ происходить 22 октября 1802 г. Между тѣмъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзе былъ саратовскимъ губернаторомъ съ 1808 г. по 1828 годъ и дѣйствительно первый постоянный театръ былъ основанъ этимъ губернаторомъ. Но въ сезонъ 1815—1816 г. Панчулидзе на свой счетъ выстроилъ маленькій деревянный театръ на теперешней театральной площади (тогда почти за городомъ). Въ театрѣ играли крѣпостные актеры Панчулидзева, и всѣ расходы по эксплуатаціи театра онъ производилъ изъ своихъ средствъ. Сперва спектакли давались по нѣкоторымъ праздникамъ, а потомъ по воскресеньямъ и по два—три раза въ недѣлю. Цѣна на мѣста въ театрѣ полагалась отъ 2-хъ руб. до 3-хъ пятаковъ ассигнаціями. Правда, крѣпостные актеры и раньше играли на дачѣ и въ домашнемъ театрѣ Панчулидзева, но эти спектакли «давались лишь для семейства и круга его знакомыхъ»; слова эти мы беремъ изъ замѣтокъ о саратовскомъ театрѣ С. Г. (Слово-Глаголь), напечатанныхъ № 122 «Саратовскаго справочнаго листка» за 1877 г. Въ 1834 году этотъ театръ отъ Панчулидзева перешелъ къ аптекарю Штейну, а онъ отъ себя сдавалъ его антрепренерамъ въ аренду. Въ 1859 г. дворяне Саратовской губерніи выстроили новый большой деревянный театръ, а старый за ветхостью былъ проданъ на сломъ. Новый театръ въ концѣ августа 1862 г. сгорѣлъ до тла. Первый спектакль въ городскомъ каменномъ театрѣ состоялся 12 октября 1865 г. Первымъ антрепренеромъ городского театра былъ *виготоровецъ Францъ (Осипъ) Осиповичъ Шехтель*. Думаемъ, справка эта будетъ не лишней для лицъ, интересующихся исторіею русскаго театра. *В. А. Ш—нъ.*

Число квартетныхъ собраній Русскаго Музыкальнаго Общества, въ этомъ году, сократилось ровно наполовину: вмѣсто обычныхъ восьми вечеровъ, въ текущемъ сезонѣ, ихъ состоитъ только четыре. Но и на эти четыре собранія, повидимому, не хватаетъ публики. По крайней мѣрѣ, первое собраніе, состоявшееся 22 октября, отличалось поразительнымъ малодушествомъ. Что жъ это значитъ? Публика утратила интересъ къ камерной музыкѣ? Въ столицѣ съ полутора миллионнымъ населеніемъ не хватаетъ достаточнаго контингента лицъ, интересующихся самымъ высокимъ и серьезнымъ видомъ музыкальнаго искусства? Но чѣмъ объяснить тогда то, что публика ломилась въ концерты чешскаго квартета и залъ Кредитнаго Общества оказывался биткомъ набитымъ? Значитъ, въ любителяхъ камерной музыки у насъ, слава Богу, недостатка нѣтъ. Причина, очевидно, кроется въ чемъ-то другомъ. Эту причину

нетрудно разгадать всякому, кто слѣдитъ за дѣятельностью квартетистовъ Русскаго Музыкальнаго Общества за послѣдніе 10—15 лѣтъ. Было время, когда собранія и нашихъ квартетистовъ возбуждали горячій интересъ и привлекали все, что есть лучшаго въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. Эта эпоха совпадаетъ съ расцвѣтомъ, вообще, дѣятельности Русскаго Музыкальнаго Общества. Участіе такихъ крупныхъ силъ, какъ Давыдовъ, Пиккель, Вейкманъ, купно съ нынѣ здравствующимъ Л. С. Ауэромъ, придавало вечерамъ необыкновенный блескъ. Исполненіе стояло на высотѣ художественныхъ требованій. Квартетисты сыгрались такъ, что лучшаго ансамбля и желать нельзя было. Никто не порывался выдвигаться, хотя каждый въ отдѣльности былъ блестящимъ солистомъ, но всѣ сливались въ высшей гармоніи и благо. Квартетныя собранія являлись тогда настоящимъ праздникомъ искусства и доставляли слушателямъ глубокое эстетическое наслажденіе. Смерть Давыдова, Пиккеля и Вейкмана подорвала въ корнѣ ансамбль. Отъ прежней сыгранности не осталось и слѣда. Въ то же время, прежній Sturm und Drangperiode смѣнился внутреннимъ безразличіемъ. Живой духъ отлетѣлъ. Повѣяло чѣмъ-то мертвенно-изсушающимъ. Программы обезцвѣтились и замкнулись въ ограниченномъ кругу произведеній, пережевывавшихся ежегодно съ ансамблемъ, все болѣе и болѣе сомнительнымъ. Искусство двигалось впередъ, появились новыя теченія, но въ яніи времени не отражались ничѣмъ на программахъ нашихъ квартетистовъ. Мудрено-ли, что, въ концѣ концовъ, публика отвернулась отъ этихъ собраній, которыя не давали болѣе слушателямъ ничего, кромѣ непроходимой скуки и тѣлого разочарованія. Сама себѣ раба бьетъ... Первое въ нынѣшнемъ сезонѣ квартетное собраніе тоже не дало ничего утѣшительнаго. С-dur'ный (№ 20 по изд. Петерса) квартетъ дѣдушки-Гайдка былъ исполненъ прямо-таки неважно, неряшливо, безъ отгѣнковъ. Нѣсколько лучше, въ техническомъ отношеніи, прошелъ В-dur'ный (ор. 130) квартетъ Бетховена, но внутренняя передача отличалась тою безцвѣтностью и сухостью, которыя стали обычнымъ явленіемъ въ нашихъ квартетныхъ собраніяхъ. Нѣкоторое оживленіе въ это царство скуки внесла г-жа Давыдова. Эта пианистка, видимо, прошла очень хорошую школу и обладаетъ бесспорнымъ дарованіемъ. У нея далеко не заурядная техника: красивый тонъ, прекрасный ударъ, безукоризненная чистота пассажей. Нѣсколько слабѣе развитъ механизмъ лѣвой руки. Фразируетъ она со вкусомъ. Передача отличается мягкою женственностью и изяществомъ. Артистка весьма музыкально исполнила фортепианную партію въ G-moll'номъ трио Рубинштейна, проникнутомъ юношескою свѣжестью настроенія, благородствомъ мыслей и поэтичностью замысла. Въ исполненныхъ на bis этюдахъ Аренскаго и Лядова, благодарныхъ для исполнителя, но лишенныхъ музыкальнаго значенія, г-жа Давыдова блеснула очаровательною воздушностью пассажей. Къ сожалѣнію, этюды эти слишкомъ одно-

ОПЕРЕТОЧНАЯ ТРУППА ПАНАЕВСКАГО ТЕАТРА.

Г-жа Бауэръ.

образны по характеру и не даютъ солисту возможности выказывать въ надлежащемъ объемѣ степень его музыкальнаго дарованія. Пианистка имѣла очень большой успѣхъ и была принята слушателями весьма сочувственно. *И. Ки—скій.*

Концертъ г. Сливинскаго, состоявшійся 23 октября въ залѣ Городскаго Кредитнаго Общества, можно считать весьма удачнымъ и по программѣ, и по исполненію. Капитальнымъ номеромъ программы была единственная соната Листа (H—moll), почти совсѣмъ не исполняющаяся пианистами, несмотря на поразительное мастерство фактуры и выдающійся музыкальный интересъ. То обстоятельство, что такое крупное произведеніе почти никогда не исполняется, доказываетъ лишній разъ рутинность артистовъ, неспособныхъ понять ту простую истину, что интересная программа составляетъ уже половину успѣха. Соната Листа произвела сенсацію въ музыкальныхъ сферахъ и для огромнаго большинства явилась своего рода откровеніемъ. Не мѣшаетъ, кстати, замѣтить, что соната эта сочинена въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Если даже крупныя произведенія всемірно извѣстныхъ композиторовъ не избавлены отъ незаслуженнаго забвенія, то чего ожидать композиторамъ не столь прославленнымъ, какъ Листъ? Кромѣ сонаты, г. Сливинскій исполнилъ еще вариации и фугу Брамса на тему Генделя, 4 пьесы Шопена, g—moll'ную баркаролу Рубинштейна, утреннюю серенаду и Soirée de Wienne Шуберта въ переложеніи Листа и безвѣстнѣйшія «Ungarische Ligeunerweisen» Таузига. Техническая сторона исполненія не всегда была свободна отъ недостатковъ. Пѣанистъ еще не приобрѣлъ той спокойной увѣренности въ себѣ, которая вы-

М. В. Карнѣевъ.

(Къ 30-лѣтнюю литературную дѣятельность).

текаетъ изъ полного подчиненія техническаго матеріала своимъ художественнымъ намѣреніямъ. Но внутренняя передача отличалась оригинальностью замысла и самобытностью истолкованья. Г. Сливинскій не шаблонный артистъ, исполняющій произведенія по заученному трафарету. Каждую вещь онъ перерабатываетъ въ горнилѣ собственного духа и на все налагаетъ печать своей индивидуальности, правда, не особенно яркой и глубокой. Когда г. Сливинскому удастся настолько овладѣть техническими средствами, чтобы приобрѣсти полное художественное самообладаніе, онъ, несомнѣнно, будетъ захватывать свою аудиторію, ибо уже теперь умѣетъ онъ пролагать дорогу къ сердцу слушателя. Отъ г. Сливинскаго тѣмъ болѣе позволительно ожидать многого въ будущемъ, что онъ не останавливается въ своемъ развитіи, а съ каждымъ разомъ все болѣе совершенствуется. Пѣанистъ имѣлъ солидный успѣхъ. Ему горячо аплодировали послѣ каждаго номера и подъ конецъ заставили много играть на bis. Изъ произведеній, исполненныхъ сверхъ программы, пѣанисту болѣе всего удалось «Liebestod» Вагнера въ переложеніи Листа. Г. Сливинскій хорошо передалъ патетическую страстность этого гениальнаго произведенія съ его стихійнымъ нарастаніемъ чувства.

И. Ки—ский.

Критикъ „Моск. Вѣд.“, А. Басаргинъ, посвятилъ большой фельетонъ новой пьесѣ В. О. Трахтенберга „Побѣда“, изданной нашимъ журналомъ.

Талантливый авторъ; пишетъ критикъ, — оригинально затрагиваетъ такія стороны въ монотонной современной жизни, которыя таятъ въ себѣ ростки и скрываютъ предугазаніе новыхъ, и притомъ лучшихъ, формъ жизни.

Затѣмъ, изложивъ сюжетъ и развитіе пьесы, г. Басаргинъ такъ резюмируетъ ея мысль.

Эта жизни лѣчить нравственно больныхъ людей точно такъ же, какъ прижиганіе лѣчитъ людей больныхъ физически: вотъ тема отрицательной части (первой половины, — большей) пьесы г. Трахтенберга, тема «пораженія». Но этого, очевидно, еще мало. Нужно, чтобы подъ очищенной прижиганіями тканью пробудилась новая жизнь.

Что же способно вдохнуть въ человѣка эту жизнь?

Вѣра въ добро, которое живетъ, въ полудремотномъ состояніи, даже и въ людяхъ слабыхъ, въ людяхъ же сильныхъ существуетъ въ состояніи напряженномъ. Значеніе вѣрнѣйшаго толчка для пробужденія къ жизни дремлющихъ въ душѣ силъ добра и имѣютъ, по словамъ пьесы, страданія.

Въ раскрытіи этой мысли заключается существоющее содержаніе положительной части пьесы г. Трахтенберга, — «побѣда».

Добавивъ, что «художественно-техническая сторона новой пьесы г. Трахтенберга стоитъ на уровнѣ ея интересной и глубокой идеи», авторъ заключаетъ:

Конечно, обо всемъ этомъ лучше было бы судить со сцены. Но уже и чтеніе пьесы даетъ возможность предвкушать это удовольствіе.

Изъ неудовольствію почтеннаго критика, мы должны сообщить, что постановка „Побѣды“, назначенная на половину ноября, по слухамъ, снова отложена. За то говорить о постановкѣ „Эдина въ Колоніи“. Русскій театръ существуетъ не для русской драматической литературы. Здѣсь мы еще не дошли до „побѣды“.

Въ парижскомъ театръ „Odéon“ рететируется передѣлка изъ романа Л. Н. Толстого „Воскресеніе“. Парижскія газеты сообщаютъ, что изъ Москвы при посредствѣ тамошняго французскаго консула выписаны арестантскіе костюмы (третье дѣйствіе пьесы происходитъ въ острогѣ).

Въ Берлинѣ готовится постановка пьесы Ант. П. Чехова „Дядя Ваня“ въ переводѣ Августа Шольца. Пьеса пойдетъ на сценѣ „Kleinen Theaters“.

Намъ доставленъ отчетъ о побѣдѣ г-жи Коммисарженской. Въ Полтавѣ сыграно 3 спектакля: 1) „Вѣчная любовь“—874 р., 2) „Каворенокъ“—909 р., 3) „Безприданница“—1241 р. (съ приставными). Итого—3024 р., на кругъ—1008 р. Въ Екатеринославѣ шли: „Горюховички“—1318 р., „Вѣчная любовь“—920 р., „Пережитое“—998 р., „Каворенокъ“—1289 р., „Родина“—1100 р., „Золотое руно“—950 р., „Дядя Ваня“—620 р., „Огни Ивановой ночи“—820 р., „Волшебная сказка“—628 р. Итого—8873 р., почти 900 р. на кругъ. Цѣны были сильно увеличены. Оваціи провинціальной публики были искренны и весьма горячи. Въ Ялтѣ шла „Волшебная сказка“ 791 р. сбору. Благотворительный спектакль въ пользу ялтинской общины Краснаго Креста („Вѣчная любовь“) состоялся въ залѣ гимназіи. Билеты продавались только по запискамъ. Антрепренеръ г. Кручининъ получилъ лавровый вѣнокъ, а г-жа Коммисарженская 2 корзины и лиру съ надписью отъ ялтинской общины Краснаго Креста. Спектакль далъ 2,000 р. сбору, причемъ за одиѣ программы было выручено 500 р.

Передъ началомъ спектакля воспитанниками мужской мѣстной гимназіи былъ исполненъ гимнъ. Это былъ первый случай, когда провинціальныя актеры играли предъ Августѣйшимъ Покровителемъ своимъ.

Въ программѣ 1-го симфоническаго собранія, состоявшагося 19 октября, главное мѣсто заняли: четвертая симфонія (В—dur) Бетховена и «Буря», фантазія для оркестра, Чайковскаго. Шуманъ называетъ В—dur'ную симфонию «гречески стройной». Она въ полномъ смыслѣ походить на великія произведенія греческой пластики по чувству мѣры и идеѣ красоты. Вотъ почему эта симфонія, давая наиболѣе пластичные образы, приводитъ обыкновенное воображеніе слушателя къ однимъ общимъ результатамъ. Исполнена была симфонія подъ управленіемъ талантливаго дирижера г. Хессина, успѣхъ котораго опредѣлился уже въ прошломъ году. Думаю, что исполненіе еще болѣе бы выиграло, если-бы поразнообразить темпы частей симфоніи. Фантазія Чайковскаго «Буря» (по Шекспиру)—одно изъ наиболѣе рельефныхъ произведеній его юности. Въ фантазіи все пластично и открыто благозвучностью, скорѣе какой-то прозрачностью, оркестровки. Особенно характерно выражены восторги любви Фердинанда и Миранды. Здѣсь музыка до того тѣсно слилась съ выражаемымъ ею чувствомъ, что сама какъ бы переходитъ въ это чувство, напоминая слова поэта:

Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь... мелодія.

Кромѣ этихъ двухъ капитальныхъ произведеній съ блестящимъ исполненіемъ была увертюра Берлиоза «Римскій карнавалъ». Эта увертюра служитъ вступленіемъ ко второму акту оперы «Бенвенуто Челлини» и поражаетъ главнымъ образомъ своей

оркестровкой, какъ все написанное Берлиозомъ. Въ исполненіи было много жизни и огня.

Изъ солистовъ выступилъ скрипачъ Жанъ-Тибо, исполнившій съ оркестромъ h-moll'ный концертъ Сень-Санса, а на bis «Souvenir de Moscou» Венявскаго. Г. Тибо поражае феноменальной чистотой тона и необыкновенной виртуозностью въ сложныхъ пассажахъ и флажолетахъ. Характеръ исполненія былъ холодноватый. Игра г. Тибо на меня лично произвела впечатлѣніе салоннаго исполненія, рассчитаннаго на простое ласканіе уха.

* * *

Народный домъ. Новая пьеса В. А. Крылова «1812 годъ», поставленная на сценѣ Народнаго дома, ничѣмъ не лучше, если только не хуже, поставленной еще въ прошломъ году тоже «исторической» пьесы «Петръ Великій». Тѣ же грубоватые эффекты, тотъ же тонъ и характеръ въ освѣщеніи историческихъ событій, и какъ общая «идея»—«громъ побѣды разлавайся, веселися, храбрый Россія!» Какъ справедливо выразился одинъ изъ рецензентовъ, это лишь либретто къ прекраснымъ декорациямъ Гобе, Воробьева и другихъ художниковъ. Впрочемъ, интрига въ пьесѣ есть, но она совершенно терается за множествомъ историческихъ лицъ, не имѣющихъ къ ней никакаго отношенія и рассказывающихъ о текущихъ событіяхъ все то, что изложено въ достославныхъ «учебникахъ» Иловайскаго.

Труда на постановку потрачено дѣйствительно не мало. Пожаръ Москвы, напр., поставленъ такъ красиво, что не оторвешь глазъ. Дѣлалось даже немного жутко и какъ-то невольно пришлось поглядывать на выходныя двери: сохрани Боже, если сцена и дѣйствительно загорится!

Исполненіе тоже старательное. Правда, выигранныхъ ролей въ пьесѣ немного, но что можно было сдѣлать изъ неблагодарнаго матеріала—актеры сдѣлали. Г-жа Никитина играла героиню пьесы Елену по образу мелодраматическихъ ingénes. Такъ, пожалуй, и нужно. Посовѣтую только еще побольше приподнятости тона. Г. Вольфъ сыгралъ шпіона Милитецко—тоже мелодраматическій типъ—умно, хорошо выдержалъ акцентъ, но все же чувствовалась нѣкоторая суховатость въ самомъ тонѣ. Нельзя не похвалить за горячее исполненіе г. Никольскаго, хотя Квашинъ, изображенный имъ, какъ двѣ капли похожъ на Калашника, котораго артистъ играетъ въ «Дмитри Самозванцѣ». Слѣдуетъ отмѣтить г. Скрятина, хорошо загримировавшагося Глинкой. Впрочемъ, гримъ у всѣхъ удачный: г. Розенъ-Санинъ—Барклай, Кремневъ—Расточинъ, Дементьевъ—Жуковский, Петровичъ—Бенисенъ и др. Г. Рязанцевъ говорилъ черезчуръ сладко, словно паточныя конфеты кушалъ.

В. Л.-ий.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Калуга. Въ «Русск. Сл.» пишутъ: «Наше городское самоуправленіе уже давно и искренне раскаялось, что сдало городской театръ бесплатно на 6 лѣтъ лицу, которое передаетъ театръ другимъ и получаетъ за это, вмѣсто города, тысячи рублей. Въ виду окончания срока аренды въ мартѣ 1903 г., предполагается упорядоченіе сдачи городского театра на новыхъ основаніяхъ. Отъ города будетъ, вѣроятно, назначена особая театральная комиссія изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ подъ предѣлательствомъ члена управы, а со сборовъ—назначено извѣстное отчисленіе въ городскую кассу—съ чистаго остатка по данному спектаклю или за окончаніемъ сезона. На ремонтъ театра предполагается исходатайствовать субсидію отъ попечительства о народной трезвости.»

Кіевъ. Въ бенефисъ артиста Степанова драматической труппы была поставлена новая пьеса Трахтенберга «Побѣда».

Нижній-Новгородъ. Городскимъ головой назначено экстренное совѣщаніе городской управы съ театральнымъ комитетомъ относительно арендатора театра г. Линтварева. Послѣдній до сихъ поръ не имѣетъ въ Нижнемъ уполномоченнаго представителя, вслѣдствіе чего театральное имущество, которымъ пользуется теперь г. Басмановъ, остается никому не сданнымъ.

Одесса. Сезонъ въ новомъ театрѣ Б. Н. Кисилевича открывается 1 ноября пьесой Ибсена: «Столпы общества», которая повторена будетъ и 2-го ноября. 3 ноября первое представленіе «Власти тьмы»—Толстого, 4 «Дикая утка»—Ибсена. Въ составъ труппы входятъ слѣдующія лица: завѣдующій репертуаромъ г. Ал. Вознесенскій, режиссеръ г. Я. Кисилевичъ, артисты: г-жи Аграмова, Арцыбашева, Баина, Волжская, Годунова, Ларина, Левандовская, Мочалова, Ромаскевичъ, Сашина, Соколовская, Славина и др., гг. Волоцкий, Гинкуловъ, Горьловъ, Крамовъ, Ларинъ, Мазуровъ, Николинъ, Розановъ, Соловьевъ, Яковлевъ и др., помощникъ режиссера г. Пальминъ, суфлеръ г. Галицкий.

— Въ теченіе перваго мѣсяца труппой г-жи Дюковой въ рускомъ театрѣ было дано 23 спектакля, въ томъ числѣ 2 дневныхъ по уменьшеннымъ цѣнамъ, причѣмъ на эти послѣдніе было разослано значительное число бесплатныхъ билетовъ въ учебныя заведенія. Дневные спектакли

дали сбора 518 руб. 59 коп., вечерніе 11,923 руб. 91 коп., а всего 12,442 руб. 50 коп. Средній сборъ съ вечерняго спектакля 567 руб. Во время-же антрепризы Драматическаго общества за весь лучший въ финансовомъ отношеніи сезонъ 1900/1901 гг. русскій театръ далъ сбора 20,872 руб.; остальные сезоны давали гораздо меньше. «Снѣгурочка» дала за три спектакля 2,398 руб. 47 коп., затѣмъ «Петръ Великій» за три представленія далъ 2,212 руб. 23 коп., «Дѣти Ванюшина» (2 раза) 1,116 руб. 94 коп., «Три сестры» (2 раза) 1,076 руб. 41 коп., «Плоды просвѣщенія» (2 раза) 1,007 руб. 69 коп., «Джентльмэнъ» (1 разъ) 878 руб. 87 коп., «Заза» (1 разъ) 729 руб. 23 коп. Наименьшій сборъ дала комедія «Причуды сердца», 190 руб. 68 коп.

— 1 ноября на дачѣ быв. Нестроева г. Тимофеевичемъ открывается новый театръ подъ названіемъ «Декадансъ». Откроется сезонъ спектаклями русской оперетки, въ составъ которой входятъ: г-жи Сабина, Фролова, Крамская-Капланъ и Полинова и гг. Ліановъ, Бобринскій, Дольскій, Шмидтъ, Молдавцевъ, Градовъ, Свѣтляковъ и Слободкинъ.

Самара. Г-жа Морская была оштрафована на 25 руб. за отказъ отъ участія въ «Петербургскихъ трущобахъ».

Симбирскъ. Открытіе сезона состоялось 15 октября.

Тифлисъ. Режиссеръ артистическаго общества г. Арди оставилъ службу въ обществѣ и уѣхалъ на новое мѣсто въ Пермь.

ЧАСТНАЯ РУССКАЯ ОПЕРА.

Г. Клементьевъ.

— Дѣла оперной труппы г. Церетелли и драматической—г. Красова, по словамъ газетъ, слабоваты.

— Недавно на представленіи «Евгенія Онѣгина» въ театрѣ грузинскаго дворянства разыгрался слѣдующій любопытный инцидентъ. Къ концу 1-го дѣйствія къ рецензенту газеты «Т. Л.» подошелъ одинъ изъ служащихъ въ администраціи труппы кн. Церетели и передалъ ему, что его просить приставъ. Отрекомендовавшій рецензенту, г. приставъ началъ упрашивать его уйти изъ театра, ибо артистъ Измайловъ «въ сильно возбужденномъ состояніи» (опускаемъ болѣе энергичные эпитеты пристава) и грозитъ устроить рецензенту скандалъ. На выраженное нашимъ рецензентомъ удивленіе, почему же не удалаять изъ театра «возбужденнаго» артиста, г. приставъ высказалъ, что г. Измайловъ все-таки можетъ произвести шумъ или опять вернуться въ театръ и устроить скандалъ. Рецензентъ удалился изъ театра. Редакція немедленно вернула редакц. билеты антрепризѣ.

Тула. Въ мѣстныхъ «Епарх. Вѣд.» читаемъ слѣдующее «сообщеніе» по поводу фокусовъ Роберта Ленца.

«Съ дозволенія нижегородскаго преосвященнаго Назарія, пожелавшаго узнать степень вредности фокусника Р. Ленца, я принялъ на себя трудъ присутствовать 12 мая на представленіи его въ Николаевскомъ театрѣ. Я несомнѣнно убѣжденъ, что безъ содѣйствія нечистой силы (злыхъ духовъ) Робертъ Ленцъ не обходится. Это видно («Нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ», очевиднымъ) изъ того, что на своихъ крикливыхъ афишахъ, уснащенныхъ самымъ безпечнымъ самохвальствомъ, Р. Ленцъ совершенно откровенно

изобразилъ около себя чорта со всѣми его аксессуарамъ: ногами, хвостомъ, рожками, во всей его чернотѣ. Бѣсъ на афишѣ изображенъ въ подобострастномъ положеніи, пресмыкающимся у ногъ Ленца и благоговѣнно взирающимъ на величественную фигуру Ленца. Вся фигура Ленца на афишѣ запечатлѣна «житейскою гордостью и надменностью, а на гордыхъ людей злые духи готовы смотрѣть, какъ на своихъ господъ, или лучше сказать, показываютъ видъ (дьяволъ въдъ «отецъ лжи» и всякаго притворства), что смотрятъ, какъ на господъ, ибо на самомъ дѣлѣ гордые люди—жалкіе рабы духовъ нечистыхъ. Самая слѣдов. афиша Ленца и тонъ этой афиши (тонъ самохвальства и самовозвеличиванья) говоритъ ясно, что онъ фокусничаетъ съ помощью силы нечистой, съ помощью злыхъ духовъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы на афишѣ изображать чорта во всемъ его безобразіи, если бы Ленцъ не былъ съ нимъ въ интимнѣйшемъ общеніи?

Какими средствами вступаетъ Ленцъ въ общеніе съ дьяволомъ и бѣсами, я не знаю, но утверждаю, что фокусы свои онъ производитъ съ помощью бѣсовъ».

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Удивительная рецензія напечатана въ „Кіев. Словѣ“. Разбирается „Лѣсъ“ и игра г. Яковлева-Востокова въ роли Аркашки.

«Аркашка» у Яковлева-Востокова вышелъ какимъ-то худлымъ героемъ ложно-классической трагедіи (!). Вся трудность передачи характера Счастливецова заключается въ томъ, что ему приходится быть въ одно и то же время артистомъ и благороднымъ человекомъ, съ благородной (?) отзывчивой душой. Онъ сбрасываетъ съ себя артистическую тогу и предстаетъ въ ореолѣ своихъ высокихъ (sic!) нравственныхъ качествъ. Вотъ тутъ-то въ помощь красивой декламации необходимъ еще подъемъ духа, сильный (!), захватывающій (!!), грандіозный (!?), а въ игрѣ Яковлева-Востокова все это безслѣдно кануло въ Лету.

Иначе говоря, рецензентъ спуталъ Аркашку съ Несчастливецовымъ, и бранилъ исполнителя Аркашки за то, что онъ не игралъ Несчастливецова...

*** Намъ прислана афиша ставропольскаго зимняго театра (автреприза молодого актера г. В. Кривцова). Это весьма любопытный документъ. Анонсируется пьеса „По гривенничку за рубль“, причемъ въ скобкахъ иясняется „По 10 коп. за рубль“. Для большей ясности слѣдовало бы еще придумать и третью заглавіе, напр. „по 2 пятака за 5 двугривенныхъ“. Но особенно любопытно толкованіе пьесы:

«По гривенничку за рубль»—пьеса въ высшей степени интересная—въ ней современный коммерсантъ со всѣми недостатками, *какъ на лабони*. Купецъ, какъ говорятъ французы: *fin de siecle.*—*Купецъ конца тьма сего!!!*...—«Темное царство» время Островскаго постепенно отошло въ область преданій: рождается новое, болѣе грозное, въ которомъ даютъ тонъ всему не прежніе «сибирки» съ аршинной бородой, а *позмаченные цивилизаціей мірлоды во фракахъ*. Другое банкротство и платежъ по векселямъ—по гривенничку за рубль—обычное дѣло. У современнаго героя-купца одно правило: урвалъ моментъ—милліонеръ!!! Въ Сибирь пойду, да съ милліономъ!!!

Вотъ ужъ именно:

Хорошо поетъ, собака,
Удивительно поетъ!

Впрочемъ, «пѣсни» эти чередуются на афишѣ съ таковыми примѣчаніями:

«Обстановка сцены изъ мебельнаго магазина Л. В. Траубе (противъ почтовой конторы, собственный домъ)»
Адресъ во всякомъ случаѣ точный.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Не откажите помѣстить на страницахъ Вашего уважаемаго журнала нижеслѣдующія строки. 5 октября въ Императорскомъ Маломъ театрѣ состоялся спектакль въ пользу кинешемскаго музыкально-драматическаго кружка имени А. Н. Островскаго («Послѣдняя жертва» съ участіемъ большинства корифеевъ Малой сцены съ М. Н. Ермоловой во главѣ).

Сборъ отъ спектакля предназначенъ для покрытія долга кружка по постройкѣ въ г. Кинешмѣ театра имени А. Н. Островскаго. Театръ этотъ выстроенъ 5 лѣтъ тому назадъ при субсидіи отъ кинешемскаго земства, на пожертвованія фабрикантовъ Кинешемскаго уѣзда и другихъ мѣстныхъ жителей, пожелавшихъ создать этимъ путемъ памятникъ великому драматургу въ его родномъ горѣдѣ.

Въ настоящее время на средства, отпущенныя кружку министерствомъ финансовъ, возведена къ театру пристройка, въ которой помѣстится бесплатная народная библиотека-читальня кружка и вновь открываемая кружкомъ народная чайная; такимъ образомъ театръ имени А. Н. Островскаго

превращается въ полный народный домъ. Владѣющій театромъ кружокъ имени А. Н. Островскаго, имѣя годового режиссера и приглашая на зимній сезонъ труппу драматическихъ артистовъ, устраиваетъ постоянные спектакли зимою въ г. Кинешмѣ, ставитъ выѣздные спектакли, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, въ различныхъ пунктахъ уѣзда при фабрикахъ и въ народныхъ чайныхъ, ведетъ бесплатныя народныя чтенія съ туманными картинками, устраиваетъ лѣтомъ народныя гулянья, содержитъ бесплатную народную библиотеку-читальню съ книжнымъ складомъ при ней и наконецъ открываетъ въ текущемъ мѣсяцѣ народную чайную, которая обставляется такимъ образомъ, чтобы могла служить образовательнымъ клубомъ для простаго народа. Общее число посѣтителей на устроенныхъ кружкомъ въ послѣднемъ отчетномъ году развлеченияхъ превысило 32,000 и число отдѣльныхъ выдачъ изъ бесплатной библиотеки кружка было около 12,000. Къ сожалѣнію, имѣется долгъ по первоначальной постройкѣ театра въ суммѣ около 2,000 рублей, на покрытие котораго г. министромъ двора, разрѣшена постановка спектаклей въ московскомъ Маломъ и петербургскомъ Александринскомъ театрахъ. Благодаря крайней отзывчивости артистовъ Малаго театра, ихъ сочувственному отношенію къ задачамъ кинешемскаго кружка и ихъ почтительной памяти къ А. Н. Островскому, могъ состояться означенный спектакль 5 октября. Отъ имени кружка Правленіе выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ артистамъ, принимавшимъ участіе въ спектаклѣ и тѣмъ способствовавшимъ упроченію просвѣтительнаго дѣла, соединеннаго съ именемъ великаго бытоописателя, проливавшего лучи свѣта въ темное царство.

Предсѣдатель Правленія: А. Куломзинъ. Члены Правленія: П. Калачовъ, В. Веселовскій, Н. Петинъ, А. Клепиковъ, В. Зѣвакинъ, А. Поповъ.

Смерть и сумасшествіе.

Каждому изъ насъ навѣрное пришлось совершить вольно или невольно, но сознательно, какое нибудь нехорошее дѣло, послѣ чего мы ощущали неловкость передъ людьми и передъ собой.

Когда мнѣ нужно было впервые умереть на сценѣ, я предварительно обдумалъ планъ предстоящей смерти и сначала попробовалъ детально продѣлать ее дома. Я закатывалъ глаза, судорожно дышалъ, вздрагивалъ, вытягивалъ ноги—словомъ, старался повторить все, что видѣлъ до сихъ поръ у лучшихъ актеровъ и актрисъ. И когда, немного поупражнявшись, я достигъ наиболѣе страшнаго, реальнаго изображенія смерти, мнѣ казалось, что я умру какъ слѣдуетъ.

И вотъ передъ тысячею глазъ я затрясъ мускулами лица. Я продѣлалъ все по плану, достигъ ужаса въ душѣ у зрителя и когда опустили занавѣсъ—поднялся на ноги съ неожиданнымъ ощущеніемъ конфуза. Публика аплодировала, а мнѣ было не по себѣ, точно я незаслуженно оскорбилъ хорошаго человѣка, или кого нибудь недвусмысленно обманулъ.

Потомъ все улеглось. Я гордился, что умеръ страшно и что моя смерть производитъ впечатлѣніе.

Въ слѣдующей «смертной» роли—та-же исторія. Наконецъ, уже много лѣтъ спустя, я посерьезнѣе разобрался въ своихъ ощущеніяхъ, понаблюдаль умиранія другихъ и пришелъ къ убѣжденію, что смерть на сценѣ—приемъ со стороны драматурговъ въ большинствѣ случаевъ не художественный, и что никто изъ насъ, актеровъ, не умираетъ хорошо.

Какъ-то, въ Генуѣ, я попалъ на представленіе «Камо грядеши». Красавецъ, изображавшій Петронія, въ своей послѣдней сценѣ умеръ, можетъ быть, не имѣя въ виду моихъ принципиальныхъ соображеній—но умеръ такъ, что я вышелъ изъ театра успокоенный насчетъ основнаго вопроса: можно-ли, вообще, изображать смерть?

Въ погонѣ за сильными впечатлѣніями авторы даютъ актерамъ обильный матеріалъ для умира-

нія отъ ядовъ, удушѣнія, ранъ и т. д. Кажется, въ Венеціи я видѣлъ картину Рибейры: выматываніе кишекъ изъ живого человѣка. Я смотрѣлъ на эту картину и думалъ: странно, что никто изъ драматическихъ авторовъ не далъ актерамъ такого эффектнаго умиранія.

Въ самомъ дѣлѣ; если допустить возможность *реально* изображенія смерти, то гдѣ-же границы художественнаго? Онѣ очень спорны. Путешествуя по Америкѣ, антрепренеръ Цаккони писалъ на афишахъ, что италіанскій трагикъ въ Коррадо будетъ умирать отъ стрихнина, а не отъ кураре, и публика валила смотрѣть на это зрѣлище, такъ какъ видѣла до сихъ поръ умиранія отъ кураре.

Сколько мы перевидали великихъ артистовъ и артистокъ въ сценахъ смерти икающихъ, хватающихся за животъ, падающихъ въ судорогахъ на полъ съ пѣной у рта. Кто не помнитъ Аграмова (хотя онъ и не былъ великимъ артистомъ), особенно любившаго роль Франца-Моора. Передъ удушеніемъ онъ клалъ въ ротъ кусочекъ кокосоваго мыла и, стянувъ петлю на шеѣ, вдругъ выпускалъ обильную пѣну... Былъ у Аграмова, тоже не безызвѣстный въ театральномъ мірѣ, конкурентъ по части пѣны; онъ живъ до сихъ поръ.

Если мы условимся, что артисту и автору важно вызвать впечатлѣніе, потрясти, не сообразуясь съ тѣмъ сохранится-ли въ ихъ твореніяхъ хоть крупица поэзіи, тогда можно

вполнѣ реально изображать на сценѣ и тошноту, и выворачиваніе кишекъ. Но то-ли получится впечатлѣніе, которое лежитъ въ задачахъ театра?

Не все, что реально—красиво, такъ говорить; я выражу это иначе: не все, что реально—поэтично, а безъ поэзіи искусство не искусство, а фотографированіе разнообразныхъ моментовъ человѣческой жизни въ ея натуральномъ видѣ. Показываніе такихъ фотографій, съ полотна ли картинъ, или съ подмостковъ театра, можетъ быть и полезно, и вредно, какъ полезны и вредны бываютъ картины страданій или веселья, пошлости, негодованія, злобы, любви—всего, что случайно подвернется на улицѣ.

Можетъ-ли быть поэтичною смерть? Да она всегда поэтична. Ея формы въ жизни бываютъ большей частью ужасны, но по сущности своей, смерть, какъ и рожденіе, актъ наиболѣе яркаго воплощенія поэзіи. Та роковая таинственность явленія, которая вдругъ разворачивается на нашихъ глазахъ, исчезновеніе души, ея разставаніе со своей оболочкой и вознесеніе куда-то—развѣ это не дастъ красивыхъ и глубоко поэтичныхъ красокъ? Сколько новыхъ хорошихъ чувствъ можетъ скопиться въ душѣ у зрителя и хотя бы на одну ступеньку поднять его выше по лѣстницѣ Іакова!.. И какъ да-

леко отъ этой лѣстницы отшвырнуть его наши корчи, метанія, схватываніе за животъ—вплоть до мыльной пѣны. До сихъ поръ вижу ясную, тихую улыбку умирающаго Петронія, его покойные глаза, уже отражающіе клочекъ небесной, таинственной глубины, и отпечатокъ неумолимаго суда надъ Нерономъ въ невыразимо строгомъ спокойствіи, охватившемъ это мраморное лицо.. Я позавидовалъ его смерти и какъ актеръ и какъ смертный...

«Однако нельзя умереть поэтично, проглотивъ кураре или стрихнинъ!» воскликнетъ актеръ, играющій Коррадо.

Нельзя? Тогда не надо умирать отъ стрихнина, Адамьянъ травилъ собакъ и наблюдалъ, какъ они дергаютъ ногами. О его смерти въ Коррадо тоже говорили, какъ о поразительно блестящемъ представителѣ реализма, и считали его искуснымъ и просвѣщеннымъ актеромъ.

Просвѣщеннымъ... Ужъ мы-то, актеры, знаемъ, что

ничего не можетъ быть легче изображенія на сценѣ *страшныхъ* смертей, безумія, ужаса и т. п. Публику мы можемъ надувать и заставляя ее думать, что метаніе по сценѣ съ искаженнымъ лицомъ очень трудно и требуетъ большого искусства, а мы-то знаемъ, что это самое легкое...

Пора бросить фиглярство въ изображеніи страданій *тѣла*. Это не важно, и не нужно, и просто мерзко.

Я не намѣренъ отрицать въ Адамьянѣ талан-

та, какъ не отрицаю его и въ Цаккони, но и самые талантливые люди идутъ на компромисы съ собственнымъ художественнымъ чутьемъ тамъ, гдѣ поставленъ вопросъ ихъ внѣшняго успѣха.

Я допускаю съ ихъ стороны даже вполнѣ искреннее увлеченіе реализмомъ драматическаго творчества. Мы, вообще, до того увлеклись стремленіемъ реализовать и, прощать все, что дошли до пошлаго, забывая, что сама пошлость на сценѣ должна быть показана не пошло, не говоря уже о такомъ огромномъ явленіи, какъ смерть.

Каждому художнику предоставлена палитра съ цѣлой гаммой красокъ: выбирай что хочешь, отъ самыхъ яркихъ до самыхъ нѣжныхъ. Дайте такую палитру ребенку и предложите ему окрасить рисунокъ человѣка; онъ прежде всего схватится за самые яркія краски и сюртукъ на человѣкѣ сдѣлаетъ краснымъ, штаны зелеными, а лицо малиновымъ. Съ годами—эти основные тона уже не будутъ его удовлетворять, и онъ поищетъ полутоновъ.

Актеры отлично понимаютъ, что публика въ массѣ—все еще ребенокъ, и охотнѣе всего бросается на зеленые штаны и красный сюртукъ. Зеленые штаны и побуждали антрепренера Цаккони писать на афишахъ о стрихнинѣ...

Г. Зудерманъ.

С. Бернаръ.

Л. Фульда.

Вечеръ въ честь Сары Бернаръ въ Берлинѣ въ клубѣ печати.

Меня не разъ спрашивали: отчего я не читаю со сцены «Записокъ сумасшедшаго» или монолога Апухтина «Сумасшедшій». Да потому, что изображеніе такихъ вещей на сценѣ или эстрадѣ, какъ самостоятельныхъ драматическихъ моментовъ, если не безцѣльно, то глупо. Не безцѣльно потому, что у артиста, конечно, есть опредѣленная цѣль дешевыми средствами: тарашеньемъ глазъ, дикимъ голосомъ, несообразными движеніями — нагнать на зрителя страху. Но что-же вынесетъ несчастный напуганный зритель послѣ такого предствленія изъ театра, кромѣ безсонной ночи? Ничего. Потому что если онъ скажетъ: «Ахъ, какъ жаль, что на свѣтѣ бываютъ сумасшедшіе», — то этимъ онъ ничего не прибавитъ къ положительнымъ сторонамъ своего духовнаго міра. Еще искреннѣе онъ пожалѣетъ дѣйствительнаго сумасшедшаго, встрѣтивъ его на улицѣ или увидѣвъ ихъ цѣлую сотню въ сумасшедшемъ домѣ. Глупо-же это потому, что все даваемое на сценѣ безъ опредѣленной идеи служенія — неразумно и не достойно театра.

Какъ на наглядную иллюстрацію всего вышесказаннаго, я укажу на милую азиатскую актрису, Садда-Якко.

Я видѣлъ эту знаменитость еще до ея пріѣзда въ Петербургъ, во время всемірной выставки въ Парижѣ. Маленькій театръ былъ биткомъ набитъ веселыми французами. Во все время представленія *страшной* драмы, въ театрѣ раздавался хохотъ, сыпались со всѣхъ сторонъ шутки и остроты, — до того наивенъ былъ сюжетъ самой драмы и способъ ея представленія. Гастролерша неуклюже-мило прыгала на высокихъ подошвахъ и по птичьему что-то лепетала. Потомъ стала драться тонкой палочкой, успѣшно нападая на злодѣя, вооруженнаго огромной саблей, и пришла въ такую ярость, что сошла съ ума и тутъ-же, за одно ужъ, и умерла. Когда она сходила съ ума, публика притихла; начался, такъ сказать, гвоздь представленія, о которомъ писали и говорили. Для непосвященнаго въ тайны актерскаго искусства кое-что здѣсь могло показаться и замѣчательнымъ. Маленькая женщина, переставъ прыгать, вдругъ вытаращила глаза, такъ что засверкали бѣлки и поблѣднѣла, — поблѣднѣла какъ смерть.

Если надуться или усиленнымъ мышечнымъ движеніемъ заставить себя покраснѣть, потомъ сразу сдѣлать нѣсколько глубокихъ вдыханій — кровь отхлынетъ къ легкимъ и лицо поблѣдетъ какъ бумага, — это знаетъ каждый изъ насъ. Садда-Якко очень ловко подноситъ этотъ переходъ публикѣ, въ нужный моментъ останавливаясь у рампы, т. е. хорошо освѣтивъ лицо. Затѣмъ слѣдуетъ показываніе бѣлковъ — первый признакъ безумія. Потомъ глаза начинаютъ косить — второй признакъ, такъ какъ выраженіе лица становится уже совсѣмъ безсмысленнымъ и страшнымъ. Затѣмъ актриса начинаетъ дрожать всѣмъ тѣломъ и дрожитъ довольно долго, а тѣмъ временемъ влага, покрывающая глаза, успѣваетъ высохнуть, они теряютъ блескъ, потухаютъ, закатываются подъ лобъ. Умерла! Увѣнчайте все это, стоящими дыбомъ, черными волосами, которые во время драки японка взбиваетъ огромной колючей копной, и вы получите полную картину сумасшествія и смерти.

Держу пари, что любая статистка въ два сеанса достигнетъ такого-же блестящаго результата. Но неужели-же это серьезно, нужно, хорошо?.. Далеко-ли подобное искусство отъ танца живота, глотанія шабг и горящей смолы? Чтобы пугать публику бѣлками и дрожью тѣла — ничего не нужно, никакого труда и подготовки. Довольно любой бабѣ ошалѣть. Мечись по сценѣ, бѣснуйся, говори и

дѣлай все, что хочешь — лишь бы пострашнѣй — все будетъ хорошо, все примется на вѣру.

До сихъ поръ не могу забыть, какъ одна моя товарка по сценѣ умирала въ Адриенѣ Лекуверрь. Я изображалъ ея любовника и долженъ былъ присутствовать при этой смерти. Боже мой!.. Я не зналъ что мнѣ дѣлать!.. Она царапала себѣ лицо ногтями, кричала, рвала на себѣ и на мнѣ волосы, исцарапала и меня, чуть не сорвала съ меня парикъ, мотала головой такъ, что волосы болтались въ воздухѣ по всѣмъ направленіямъ; кресло, на которомъ «производилась» смерть, трещало и грозило каждую секунду разлетѣться въ щепки. Охрипла, вспотѣла и умерла... Наконецъ-то!.. Публика устроила ей овацию, и она выходила на вызовы, шатаясь, держась за меня мокрой рукой — блѣдная, дрожащая, слабая, точно послѣ припадка падучей и вмѣсто поклоновъ только склоняла голову, посылая въ публику грустную, но самодовольную улыбку, которая говорила: «я пережила передъ вами смерть Адриены... Я стою рукоплесканій»...

Я тоже кланялся, потому что вѣдь и мнѣ досталось. И у меня лицо было въ царапинахъ, парикъ еле держался. И я усталъ, какъ можетъ устать человекъ, державшій полъ-часа въ своихъ рукахъ вбѣсившуюся лошадь...

Когда бѣдняжка оправилась на столько, что могла выходить на вызовы уже одна, краснорѣчиво цѣпляясь за кулисы и стулья, я просколзалъ къ себѣ въ уборную. Мнѣ было стыдно, — стыдно и за товарку, и за себя, и за публику, за низведеніе «высокаго и прекраснаго» на степень разнузданнаго азиатства.

Публика... Публика, считавшая эту актрису до сихъ поръ — безжизненной, вялой, однотонной — вдругъ загремѣла, рецензентъ написалъ: «Картина смерти была проведена съ потрясающимъ реализмомъ». И сама актриса убѣдилась лишній разъ, что способенъ на гениальные моменты вдохновеннаго творчества...

Помилуй Богъ!.. — какъ говорилъ Суворовъ.

Реализмъ — вотъ та скользкая почва, на которой легко упасть драматическому актеру; разъ онъ забудетъ, что благородство, аристократизмъ исполненія долженъ быть и фундаментомъ и окраской всей его работы. Вдохновенный реализмъ при изображеніи патологическихъ сценъ заманчивъ по столько, по сколько неразвѣтъ въ чутѣ поэзіи; въ чутѣ прекраснаго, зрительный залъ. Художественный реализмъ нанесъ себѣ яраго поклонника въ лицѣ русскаго актера. Да, по русскому актеру повезло: его училъ реализму Гоголь и Островскій, а затѣмъ — случилось то, что всегда случается, когда большіе таланты уступаютъ мѣсто посредственнымъ. Иссякла поэзія чувствъ — и на сцену выступила жизнь мертвая, трубая и сухая. Реализмъ перешагнулъ за границы художественнаго, и мы голыми ногами пошли по острымъ камнямъ *материализма*, а когда подошвы наши огрубѣли и перестали *чувствовать* — мы стали материализировать жизнь на фонѣ искусственныхъ *настроений*; мы уже не довольствуемся жизнью на сценѣ во всей ея матеріальной оболочкѣ, но хотимъ дать почувствовать носомъ и запахомъ этой *матери*, не останавливаясь передъ одуряющими и противными запахами миазмовъ.

Что-же дальше-то будетъ? Кое что показалось. Уже завязалась борьба. Уже возсталъ изъ гроба Эврипидъ, какъ естественный, непредумышленный отпоръ.

Одно теченіе родитъ другое; они сталкиваются, сливаются и по законамъ механики даютъ равнодѣйствующую, т. е. теряя съ обѣихъ сторонъ, по-

рождаютъ новую, преобладающую и временно уравновѣшенную струю.

Какова будетъ эта новая струя въ драматическомъ искусствѣ—еще неизвѣстно. А тѣмъ временемъ пожелаемъ, чтобы и намъ приснилась лѣстница Иакова. Чѣмъ выше по ней, тѣмъ выше къ Богу, значить,—къ истинѣ истинъ.

Григорій Ге.

ИЗЪ МОСКВЫ.

«Кто въ мѣрѣ совершилъ больше глупостей, чѣмъ милосерднее? И что въ мѣрѣ причиняло больше страданій, чѣмъ глупости милосерднѣе?»

«Горѣ всѣмъ любящимъ, у которыхъ нѣтъ болѣе высокой вершины, чѣмъ жалость ихъ!»

«И такъ, да буду огражденъ я отъ жалости: оттуда приближается къ людямъ тяжелая туча! Поистинѣ, я знаю времена!»

Такъ говорилъ Заратустра.

И такъ говоритъ г. Тимковскій.

И еще. Слабые сильнѣе сильныхъ. И слабые побѣждаютъ. Это звучитъ парадоксомъ. Но это—истина. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ «Слабые и сильные», г. Тимковскаго.

Объ эти максимы—въ тѣсной связи, и являютъ двѣ стороны одной и той-же истины! Слабые болѣе всего тѣмъ и сильны, что сильнѣе слабы жалостью къ нимъ, что нѣтъ у нихъ «болѣе высокой вершины, чѣмъ жалость ихъ».

Таковъ идейный оствъ новой пьесы, г. Тимковскаго, бытовой комедии по внѣшности, но обвѣянной ницшеанскимъ духомъ, который все властнѣе проникаетъ во всѣ поры кроткой и многолюбивой русской души—страстотерпицы и производитъ въ ней великую сумятицу. Вѣдь, душу вырожденную цѣлымъ складомъ долгой исторіи, многообразными перекрещивающимися вліяніями,—ее не перекройшь по модѣ и учению. Пусть даже на «старыхъ скрижаляхъ» и ложь. Не легко выхолотъ изъ сердца эту «сорную траву» состраданія и любви къ ближнему. Въмѣстѣ съ нею вырываются ключья живого сердца.

Но не нужно брать эту тему такъ глубоко. Подъ ницшеанскую кровлю г. Тимковскій подвѣсилъ банальную постройку. Г. Тимковскій воздвигъ сначала крышу, а потомъ подогналъ подъ нее домишко. Такъ строятъ нынѣшніе драматургическіе «архитектурышки».

Творческий процессъ г. Тимковскаго—для меня секретъ. Но очевидно, что толчокъ его пьесъ дали не впечатлѣнія жизни, а вотъ, тѣ самыя строки изъ книги, которыми я началъ свое письмо. И къ этому протесту противъ жалостливаго сердца, которое разлагаетъ крѣпкую жизнь и путаетъ дѣйствіе закона подбора лучшихъ, наиболѣе приспособленныхъ, которое мѣшаетъ освободить жизнь отъ бремени «рожденныхъ всмятку» (выраженіе г. Тимковскаго)—къ этому своеобразно аристократическому протесту авторъ подобралъ иллюстрацію, возбуждающую серьезныя сомнѣнія со стороны своей жизненности и правды, и, вѣсь тезисъ пьесы испаряется въ облакѣ модныхъ словъ.

Центральная коллизія «Слабые и сильные» такова. Два брата. Оба адвокаты. Одинъ, старшій—сильный. Это—энергія, трудоспособность, хорошая приспособленность, жизнерадостность. Онъ любитъ жизнь, и понимаетъ, что ее любить можно и надо. Разлитое вокругъ, въ нашей русской дѣйствительности, кисляиво его не тронуло. Но никакихъ большихъ дѣлъ за нимъ не числится. Впрочемъ, все же это наиболѣе удачная фигура пьесы. Много помогаетъ и г. Южинъ. Онъ великолѣпно воссоздаетъ по показаніямъ пьесы яркое, цѣльное лицо. Артисту близокъ и основной тонъ этого персонажа. Таковъ старшій Претуровъ. Выверните его наизнанку, всѣ

плюсы замѣните минусами, всѣ яркія краски—тѣнями; сдѣлайте это посмѣлѣе, порѣзче, такъ чтобы вмѣсто стальной воли стало полное, дегенеративное безволіе; чтобы вмѣсто энергіи, въ глазахъ мерцалъ болотный свѣтъ рахитической души; чтобы ключъ «да здравствуетъ жизнь!» смѣнился тягучимъ припѣвомъ; «какая жизнь чужая и глупая штука»,—и вы получите Претурова младшаго. Мутная душа, скрипучіе нервы. Г. Тимковскій просто написалъ полоумнаго, и психиатръ легко нашель-бы ему мѣсто въ своей классификаціи. На немъ печать неизбежнаго самоубійцы. Г. Тимковскому не надо было фантазировать и сгущать тона. Ссылка автора на извѣженное воспитаніе, материнское баловство—недостаточно. Корни типа много глубже. Издавна уже ими была заважена русская жизнь. Г. Ильинскій, игравшій младшаго Претурова, ушелъ еще дальше по пути автора,—и получился уже совсѣмъ слизнякъ, сплошной истерикъ. Это было, пожалуй искренно, но истерично. Смыслъ пьесы, сомнительный у автора, становится еще болѣе сомнительнымъ и просто лживымъ.

Жизнь сталкиваетъ братьевъ въ борьбѣ. Арена ея, конечно—женское сердце. Сильный и слабый борются за любовь той же дѣвушки. Кто она, слабая или сильная? Это очень существенный вопросъ для цѣлага пьесы. Но отвѣтъ на него—какой-то двусмысленный. Она какая-то сильно-слабая.

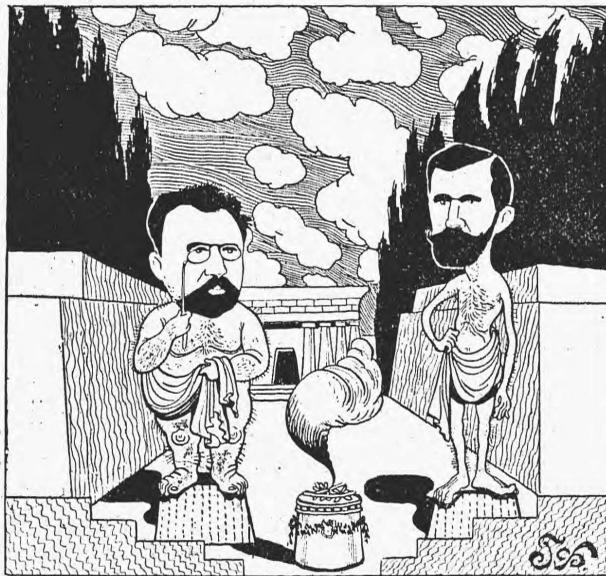
Предназначенность, съ которою ее писалъ авторъ, лишаетъ образъ опредѣленности, а данную коллизію—смысла и правды. Я думаю, г-жа Лешковская это хорошо понимала и оттого играла съ «осторожностью», точно боясь уйти окончательно и опредѣленно въ какую-нибудь сторону. Впрочемъ, вообще это роль, требующая нервнаго подъема и искренности чувствъ, которые у г-жи Лешковской слабѣе другихъ сторонъ дарованія. Героиня начинаетъ, какъ «сильная», рветъ съ пошлою жизнью у дяди, съ лѣнью, и берется за работу, сбрасываетъ иго странной любви по недоразумѣнію къ младшему Претурову, и подъ вліяніемъ старшаго Претурова готова воскликнуть: «Es lebe das Leben!».

Кто возьметъ верхъ въ этомъ сердцѣ? Герой или слизнякъ? Логика вещей и женскаго сердца, которая все-же существуетъ,—казалось бы, подсказываетъ единственный отвѣтъ. Женщину всегда побѣждаетъ сила, какая она ни будь. Но «оттуда, героиню должна побѣдить немощь, потому что, вы помните, изъ жалости, приближается къ людямъ тяжелая туча...». И подъ это подгоняется все движеніе пьесы. Героиня уступаетъ «жалости», и въ этой борьбѣ сильнаго съ слабымъ побѣдитъ слабый. И будетъ показано и вредоносность жалости,

и всеиліе вооруженной ею слабости. Показано, но не доказано. Потому что, какъ ни бьется авторъ, растягивая ленту словъ, прибѣгая къ мелодраматическимъ подмалевкамъ, ничего, кромѣ неправдоподобнаго факта, все-таки не выходитъ. Отказъ героини отъ Претурова старшаго въ пользу Претурова младшаго, и особенно въ томъ видѣ, какъ мы ихъ видимъ на Малой сценѣ,—фальшивая, плохая выдумка. И по мѣрѣ того, какъ авторъ начинаетъ замѣтно клонить пьесу въ сторону такой развязки, зритель перестаетъ ему вѣрить. Ложь открывена до наивнаго. Старшій Претуровъ съ силою отстаиваетъ свое право на счастье и любовь, который въ монологѣ, сочиненномъ, г. Тимковскимъ по Ницше, г. Южинъ прекрасно произноситъ. Но что тутъ можно сдѣлать монологомъ?

И потомъ, къ чему «ses armes, ses bagages»? Противъ той «жалости» къ слабому, какая имѣется въ данномъ случаѣ, и возражать нечего. Ея лживость, ея противоположность очевидна и безъ всякихъ доказательствъ. Она—такая-же патологическая, какъ и любая страничка душевной болѣзни. Тема мельчаетъ. Пусть мораль Ницше и ложна, и опасна, но ею нельзя пренебрегать. Здѣсь можетъ быть истинная трагедія, и къ ней не разъ подбирался Ибсенъ. Но это лежитъ внѣ пьесы г. Тимковскаго, какъ онъ ни старался сдѣлать пьесу широкою по захвату.

Семья Претуровыхъ списана, можетъ быть, не столько съ натуры, сколько съ Чехова, но она характерна для нашихъ безвольныхъ, сутолочныхъ, скучныхъ дней. Картина не лишена, говоря по модному настроенію. Есть кое-какія недурныя отдѣльныя фигуры, мѣстами остроумны и недурны діалогъ. Хорошо скомпанованъ 1 актъ, лучший въ пьесѣ. Недурна и финальная сцена 4-го акта.

Толстый Венеръ и худощавый Артемидъ.

«Ипполитъ» на сценѣ Александринскаго театра.

(Шаржъ Г. Ф.)

Но когда пробуешь нащупать самое сердце пьесы и внять ей разуму,—ихъ не оказывается. Оба Претурова и Елена съ «ремингтономъ» и «стенографіей» даютъ только анекдотъ, столь-же печальный, сколь неправдоподобный.

Н. Э—съ.

Въ царствѣ красокъ.

(Повѣсть изъ жизни художниковъ).

(Окончаніе *).

XXXIV.

Въ началѣ мая Щигровскій продалъ свою знаменитую картину богачу американцу за двѣнадцати тысячъ и уѣхалъ съ Мирковичемъ въ Черниговскую губернію на этюды. Они поселились въ деревушкѣ, на красивомъ холмистомъ берегу Десны и работали долгими лѣтними днями. Щигровскій рьяно писалъ этюды, добиваясь правды и жизни. Писалъ «на солнцѣ» типичныхъ мужиковъ, пригожихъ дивчатъ и ребятишекъ. Перевоплощеніе было полное. Спустя два мѣсяца онъ не узнавалъ себя.

ВАСИЛЕОСТРОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Шветцингенъ («Золотая Ева») — Г. Мартовъ.

Изъ альбома гримовъ С. Панова.

Куда дѣвался условный дешевый шикарь-живописецъ? Сгинулъ безслѣдно! Реализмомъ, вѣрной передачей матеріала, осмысленностью вѣяло теперь отъ cadaго его мазка, отъ cadaго обильнаго воздуха этюда...

И физически онъ рѣзко измѣнился. Выраженіе сытости исчезло. Онъ похудѣлъ, загорѣлъ, сталъ много бодрѣе и подвижнѣе прежняго. Во взглядѣ свѣтилась твердая энергія. Щигровскому очень хотѣлось видѣть Ковалюка, показать ему свои новыя

работы. Въ началѣ августа онъ послалъ Алексѣю Ивановичу на имя Шпрингера немного денегъ съ просьбой хотъ на нѣсколько дней прѣхать. Но вмѣсто Ковалюка ему отвѣтилъ Матвѣй Анастасевичъ. Поднятый у трактира въ безчувственномъ состояніи Алексѣй Ивановичъ лежитъ въ больницѣ и врачи опредѣлили у него скоротечную чахотку. Сильно поразила Щигровскаго эта печальная вѣсть. Нѣсколько дней онъ ходилъ мрачный и ему вяло работалось. Образъ талантливаго, погибшаго, глубоко-несчастнаго челоука съ его по виду тускло-прозаической, а на самомъ дѣлѣ полной мрачнаго трагизма жизнью — долго не покидалъ Дмитрія Дмитриевича...

Въ началѣ сентября Щигровскій вернулся въ Петербургъ съ нѣсколькими папками этюдовъ, интересныхъ для художника и знатока по техникѣ, и совсѣмъ неинтересныхъ для такъ называемой «большой» — буржуазной публики. Онъ снялъ крохотную квартирку изъ двухъ комнатъ на глухой линіи Васильевского острова. Скромная мастерская его была въ нѣсколькихъ шагахъ, черезъ два дома. На кухнѣ по прежнему водворилась Лиза, гостившая у своихъ родственниковъ въ Перкіярви, пока баринъ писалъ черниговскіе этюды. Къ перемѣнѣ образа жизни Щигровскаго «чухонская королева» отнеслась почти безучастно. Одно ее порадовало — сократились расходы по хозяйству. Съ лона теплыхъ августовскихъ дней, прозрачныхъ, ясныхъ — Щигровскій попалъ прямо въ холодныя объятія дождливой и свинцово-мутной петербургской осени. Не успѣлъ онъ еще порядкомъ водвориться на новой квартирѣ, какъ отправился въ больницу навѣстить Алексѣя Ивановича. Но тамъ ему сказали, что нѣсколько часовъ назадъ Ковалюкъ умеръ.

Щигровскій остолбенѣлъ... Черезъ два дня Ковалюка хоронили. Благодаря хлопотамъ Щигровскаго, похороны вышли приличные. Даже Шпрингеръ далъ красненькую.

Хоронили вечеромъ. Стемнѣло и моросилъ мелкій дождь. Впереди колесницы съ гробомъ тускло мигали огоньки фонарей, несомыхъ разнымъ сбродомъ въ черныхъ ливреяхъ и громадныхъ неуклюжихъ цилиндрахъ. Эти затерянные среди шумной грохочущей улицы огоньки усугубляли тяжелое горестное впечатлѣніе процессіи. Немного народу шло за гробомъ бѣднаго художника. Щигровскій, Мирковичъ, Шпрингеръ въ своей крылаткѣ, нѣсколько товарищей Ковалюка по Академіи и группа босжовъ-оборванцевъ. Это были кабацкіе товарищи покойнаго Алексѣя Ивановича.

По шекамъ Дмитрія Дмитриевича текли слезы: — Ахъ Россія, Россія, тихимъ голосомъ говорилъ онъ Мирковичу — сколько погибло и гибнетъ у насъ талантовъ; а вѣдь онъ былъ рѣдкій исключительный талантъ. И никто не берегъ его, никто не лелѣялъ; а можно было сберечь; нѣжная, чуткая натура съ душой оранжерейнаго цвѣтка... Всю жизнь, всѣ кто могъ, эксплуатировали его возмутительнѣйшимъ образомъ — Щигровскій невольно покосился въ сторону Шпрингера.

Лицо у графа де-Босанъ было сосредоточенное; что его опечалило? Самый ли фактъ смерти художника или обстоятельство, что ушедшій въ другой міръ Алексѣй Ивановичъ не будетъ больше писать ему за гроши своихъ чудныхъ картинокъ? Пожалуй, послѣднее. Шпрингеръ отсталъ немного, присоединился къ оборванцамъ и осторожно полюбоществовалъ, нѣтъ ли у кого-нибудь изъ нихъ произведеній Ковалюка. Оказалось, что у здороваго малюга съ краснымъ носомъ и подвязанной щекой уцѣлѣлъ рисунокъ. Шпрингеръ далъ ему свою кар-

* См. № 43.

„МОННА ВАННА“ ВЪ НОВОМЪ ТЕАТРЪ.

Г-жа Яворская (Ванна) и г. Баратовъ (Гвидо).

точку и просилъ зайти утромъ въ магазинъ. Чего добраго, онъ съ лихвой вернетъ выброшенную зря десятирублевку?

Позднимъ вечеромъ, когда бѣдный Алексѣй Ивановичъ навсегда окончилъ свои безпорядочныя скитанія подъ болотистой землей петербургскаго кладбища, компанія провожавшихъ его, въ томъ числѣ и Шпрингеръ, отправилась въ ресторанъ «помянуть» покойника. Щигровскій отказался.

XXXV.

Дмитрій Дмитріевичъ зажегъ лампу, послалъ Лизу купить чего-нибудь къ чаю и сидѣлъ за письменнымъ столомъ съ неподвижно устремленнымъ въ темное окно взглядомъ. Тоска давила грудь. Ему почему-то казалось, что Алексѣй Ивановичъ не умретъ и не умретъ никогда, а вѣчно будетъ незримый скитаться съ альбомомъ подъ мышкой по трущобамъ большого, каменнаго города, оборванный и кроткій...

Робко дрогнувъ звонокъ...

Щигровскій встрепенулся, нехотя всталъ и пошелъ къ незапертымъ дверямъ. Онъ потянулъ къ себѣ ручку... На порогъ обрисовалась элегантная фигура женщины...

— Вы?—изумленно вырвалось у него.

— Я—отвѣтила она тихо—вы не ожидали меня?

— Нѣтъ...

Съ холодной вѣжливостью онъ попросилъ ее въ комнату. Она опустилась на стулъ и окинула все бѣглымъ взглядомъ.

— Съ вами произошла перемѣна, о васъ такъ много говорятъ... Я сегодня читала что-то о васъ въ газетѣ. Я хотѣла увидѣть васъ.

Ея глаза свѣтились знакомой нѣжностью изумруда.

Щигровскій молча стоялъ посрединѣ комнаты. Онъ совсѣмъ безстрастно смотрѣлъ на свою гостью. Неужели онъ безумно любилъ эту женщину? Какъ давно, должно быть, видѣлъ онъ этотъ тяжелый сонъ! Онъ успѣлъ совсѣмъ позабыть его!

Молчаніе Щигровскаго немощно смутило Софи,

но она сдѣлала снова нѣжно мерцающіе глаза и продолжала:

— Я никогда не грѣшила излишнимъ самомнѣніемъ, но мнѣ кажется, что вашимъ обновленіемъ вы обязаны чуточку мнѣ...

Щигровскій молчалъ.

— А вы не сдержали своего слова: кто мнѣ обѣщалъ измѣнить голову русалки до неузнаваемости? Изъ этого я заключаю, что вы меня не любили и... — она хотѣла сказать: «лгали», но поправилась и сказала: фальшивили, когда говорили, что любите...

— Мы были хорошими партнерами, — отвѣтилъ Щигровскій и поклонился.

— Скажите, Дмитрій Дмитріевичъ, васъ не изумило мое внезапное исчезновеніе съ вашего горизонта?

— Нисколько. Маскарадныя романы всегда кончаются въ подобномъ духѣ.

По лицу ея пробѣжала судорога. Она закусила губы и порывисто встала:

Г-жа Яворская въ послѣднемъ актѣ.

(Шаржъ А. Р.—ва).

— Прощайте,—вымолвила она.

— Имѣю честь кланяться...

Она вдругъ подурнѣла, постарѣла. Никогда Щигровскій не видѣлъ ее такой неинтересной. Ему былъ памятенъ вызывающій видъ его наяды, всегда пикантной, обаятельной.

«Что съ ней случилось?» подумалъ Щигровскій. И онъ понялъ, что теперь онъ сильнѣе ее, и потому она вдругъ стала такой ничтожной. Она шла, съ поникшей головой, и опущенной фигурой, къ дверямъ, и Щигровскому казалось, что наступилъ часъ его торжества, что, наконецъ, онъ отомстилъ за себя. Такой прибитой и растерявшейся желалъ онъ видѣть ее тогда, въ минуты гнѣва и ревности. Но тогда онъ былъ слабъ, и это ему не удавалось. А теперь это случилось само собой...

Энергичный, встряхнувшійся, бодрый, шагаль Щигровскій по комнатѣ:

— Работать и работать,—шептали его губы.

Н. Брешко-Брешковскій.

Артистка «Парижской оперы» Нуовина,
гастролирующая въ Берлинѣ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВИЛЬНА. Драматическая труппа П. П. Струйскаго, играющая въ Большомъ театрѣ, повидимому, завоевываетъ симпатіи виленцевъ. Въ ней дѣйствительно есть нѣсколько хорошихъ артистовъ.

На первое мѣсто среди мужского персонала слѣдуетъ поставить г. Тройницкаго, опытнаго и умнаго артиста. Къ сожалѣнію, онъ страдаетъ общимъ недостаткомъ театральной провинціи и склоненъ къ тому, что на театральномъ жаргонѣ называется «простоговореніемъ». Г. Эльскій—старый знакомый Вильны, игравшій въ Петербургѣ, опытный и хорошій актеръ, страдающій, впрочемъ, противоположнымъ недостаткомъ и много «декламирующій». Оба артиста пользуются успѣхомъ. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить комиковъ—гг. Зубова и Молчанова, хотя послѣдній нерѣдко впадаетъ въ шаржъ. Г. Струйскій хорошій фатъ, но злоупотребляетъ правомъ играть всякія роли.

Такую же склонность ко всѣмъ выигрышнымъ ролямъ обнаруживаетъ и главная представительница женскаго персонала—г-жа Назимова. Это артистка съ прекрасной сценической внѣшностью, холоднымъ голосомъ и мертвымъ тономъ. Эти недостатки она старается искупить обиліемъ «пластики», своеобразныхъ жестовъ и позъ. Артистка, говоря технически, много «играетъ», и во всѣхъ роляхъ только повторяетъ «чужія слова». Успѣхомъ пользуется г-жа Моравская. Прекрасны исполнительницы комическихъ ролей—г-жа Запольская и въ особенности г-жа Бауэръ.

15-го октября здѣсь дали столь шумѣвшую «Монну-Ванну». Спектаклю предшествовала умѣлая реклама, собравшая полный залъ. Это скорѣе поэма, чѣмъ драматическое произведеніе. Безконечные разговоры дѣйствующихъ лицъ могутъ быть интересны только въ очень хорошей передачѣ. Здѣсь же исполненіе было совершенно неудовлетворительно. Прежде всего поражало общее незнаніе ролей, вызывавшее досадныя и непонятныя паузы, между тѣмъ, какъ рѣчь должна литься легко и плавно. Г. Тройницкій прошепталъ рѣчи увлекающагося старца Марко, г-жа Назимова безучастно проговорила слова Ванны, г. Струйскій доложилъ—и довольно невнятно—роль Принцивале, а г. Эльскій прокричалъ патетическія тирады Гвидо. Всѣ были какъ-то однотонны и вели роли безъ модуляцій на двухъ-трехъ нотахъ. Недостатки дикціи и постановки голоса вообще сильно вредятъ артистамъ въ пьесахъ героическаго характера, которыхъ здѣсь ставится не мало.

Оживила публику веселая шутка Е. П. Карпова «Вольная пташка», прошедшая подъ гомерическій хохотъ всего театра, благодаря прекрасной игрѣ г-жи Бауэръ. Это—живое дарованіе; къ сожалѣнію, выступаетъ артистка почти исключительно въ водевиляхъ. «Жестокій» репертуаръ провинціальныхъ театровъ не даетъ простора комическимъ дарованіямъ.

«Жестокость» репертуара, вѣрно подмѣченная «Самарской

газетой» въ ея статьѣ, цитированной въ одномъ изъ номеровъ «Театра и Искусства», сказывается и въ Вильнѣ. Не только трагедіи Шекспира, но и «убійственная» пьеса современныхъ авторовъ ставятся здѣсь побоянно. Между тѣмъ, лучше хорошо дѣлать маленькое дѣло, чѣмъ совершать большое покушеніе «съ негодными средствами». Репертуаръ для русской провинціальной сцены ясенъ самъ собою. Это—здоровая русская драма и комедія, и прежде всего Островскій. Такой репертуаръ далъ бы возможность артистамъ развернуть свои силы, подавляемая теперь непосильнымъ трудомъ, затрачиваемымъ на исполненіе модныхъ новинокъ и обстановочныхъ пьесъ.

Ронг la bonne bouche о мѣстной театральной новости. М. М. Слезкинъ вернулся къ обязанностямъ почетнаго почитателя Виленскаго театра; но надо надѣяться, что не послѣдуетъ возвращенія, печальной памяти, «театральной дирекціи». Горькій опытъ двухъ послѣднихъ сезоновъ показалъ, къ чему ведетъ руководство сложнымъ театральнымъ предпріятіемъ при помощи одной «любви къ дѣлу», безъ необходимыхъ знаній и опытности.

КІЕВЪ. Ободренный крупнымъ матеріальнымъ успѣхомъ прошлаго года (около 300.000 руб. валового сбора за 7 мѣсяцевъ), М. М. Бородой для нынѣшняго сезона сформировалъ громадную оперную труппу, съ неслыханнымъ для Кіева бюджетомъ—болѣе 40.000 руб. въ мѣсяцъ. Оперный сезонъ у насъ открылся 1 сентября, и въ теченіи мѣсяца качество труппы и отдѣльныхъ составныхъ элементовъ ея опредѣлилось.

Городское управленіе, получившее съ нынѣшняго сезона въ лицѣ театральной комиссіи безапелляціонное право исключать изъ состава труппы артистовъ послѣ трехъ дебютовъ, уже высказалось по этому вопросу. Но объ этомъ ниже, а пока—скажу нѣсколько словъ о труппѣ. Большинство солистовъ труппы хорошо извѣстны всей Россіи, поэтому я буду говорить, главнымъ образомъ, о молодыхъ силахъ. Въ женскомъ персоналѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ Е. Я. Цвѣткова, несущая у насъ на себѣ лирической репертуаръ, завоевавшая любовь публики. Съ большимъ успѣхомъ поетъ также К. И. Брунъ (драматическое сопрано). Это еще молодая артистка, служащая въ труппѣ нашего городского театра второй сезонъ. Крупныя достоинства этой пѣвицы нѣсколько умаляются рѣзкостью и сухостью ея голоса. Амилуа колоратурнаго сопрано занимаетъ г-жа Бронская, перешедшая къ намъ изъ Тифлиса. Великолепная школа искупаетъ недостатки голоса этой молодой пѣвицы (второй годъ на сценѣ). Минусомъ у г-жи Бронской является также то обстоятельство, что сценическая сторона исполненія у нея находится въ полномъ пренебреженіи. Очень крупной силой, хотя въ значительной степени еще силой будущаго, является Н. К. Новоспасская, занимающая у насъ вотъ уже второй сезонъ положеніе лирико-драматическаго сопрано. У г-жи Новоспасской исключительный по красотѣ тембра и выдающійся по силѣ голосъ, что, въ совокупности съ замѣчательной искренностью и теплотой исполненія и большимъ сценическимъ дарованіемъ, обѣщаетъ ей блестящую карьеру. Въ труппу г. Бороды молодая артистка поступила въ прошломъ году, послѣ блестящаго дебюта въ роли Паташи («Русалка»), прямо съ ученической скамьи (московская консерваторія). Г-жа Новоспасская—ученица Е. А. Лавровской. Состоитъ въ нашей труппѣ еще одно сопрано—г-жа Шульгина. Это—начинающая пѣвица, обладающая недурнымъ голосовымъ матеріаломъ и хорошей школой. Впрочемъ, поетъ она очень мало, преимущественно на дневныхъ спектакляхъ. Имѣя рядъ хорошихъ сопрано, труппа нашего городского театра сильно хромаетъ по части низкихъ женскихъ голосовъ. Во главѣ меццо-сопрано стоитъ г-жа Черненко, о которой лѣтомъ нынѣшняго года въ журн. «Театръ и Искусство» было сказано, что поетъ она больше мимикой, чѣмъ голосомъ. «Кіевлянинъ» о г-жѣ Черненко сказалъ послѣ ея дебютовъ у насъ, что артистка поетъ не голосомъ, а руками и ногами. Дублируетъ г-жа Калинина. Это—совсѣмъ еще юная артистка, у нея хорошій голосъ и прекрасная внѣшность, но мало школы и еще меньше опытности. Театральная комиссія предложила антрепривзѣ озаботиться присканіемъ болѣе подходящаго меццо-сопрано. Результатомъ этого являются объявленные уже дебюты г-жи Карри, какъ извѣстно, вышедшей изъ состава труппы Большаго московскаго театра. Альтъ нашей труппы—г-жи Ковелькова и Шихуцкая. Изъ нихъ первая была бы прекрасной артисткой, если бы голосу ея придали хоть немного болѣе силы. Г-жа Ковелькова поетъ въ Кіевѣ второй сезонъ съ большимъ и неизмѣннымъ успѣхомъ. Г-жа Шихуцкая—совсѣмъ еще ученица. Въ мужскомъ персоналѣ выдались баритонъ О. И. Каміонскій и теноръ А. Б. Секаръ-Рожанскій. Оба они хорошо всѣмъ извѣстны, и говорить о нихъ нечего. Это—любимцы нашей публики, особенно г. Каміонскій. Вторымъ драматическимъ теноромъ труппы состоитъ извѣстный провинціальный артистъ г. Розановъ. Мѣстная печать отзывалась о немъ рѣдко. Дѣйствительно, у г. Розанова очень большой голосъ съ громадными и свободными верхами, но голосъ его—некрасиваго тембра, къ тому же вокальное искусство артиста сомнительно. Лирическіе тенора труппы—гг. Махинъ, Борисенко и Эрнстъ. У г. Махина

хорошій голосовой матеріалъ. Артистъ въ послѣднее время дѣлаетъ большіе успѣхи (поетъ у насъ второй сезонъ) и пользуется успѣхомъ. Г. Борисенко, нѣкогда любилъ кievской публики, пѣвшій у насъ отъ 1891 по 1896 гг. (во время антрепризъ Прянишникова и Сѣтова), теперь сохранилъ лишь остатки голоса (medium). У г. Эрнста, перешедшаго къ намъ вмѣстѣ съ г. Борисенко изъ Тифлиса,—крошечный голосъ. Поетъ онъ, главнымъ образомъ, характерныя роли.

Кромѣ г. Камюнскаго, въ труппѣ числится еще 3 баритона: гг. Петровъ, Брыкинъ и Энгель-Кронъ. Изъ нихъ г. Брыкинъ уже совсѣмъ потерялъ голосъ, а г. Энгель-Кронъ едва ли его имѣлъ. У г. Петрова большой голосъ, съ красивыми верхами. Къ сожалѣнію, артистъ постоянно форсируетъ голосъ, и успѣлъ его надломить. Хуже всего въ труппѣ съ басами: ихъ числится 7, и среди нихъ нѣтъ ни одного хорошаго. Лучшій изъ басовъ—г. Найденовъ. У него очень красивый голосъ съ громаднымъ диапазономъ (поетъ Руслана и Марселя), но школы и навыка къ сценѣ—никакой. Впрочемъ, г. Найденовъ—начинающій артистъ: еще весной нынѣшняго года онъ былъ скромнымъ хористомъ въ одесскомъ городскомъ театрѣ. Басъ Парамоновъ, перешедшій къ намъ изъ Перми, не лишенъ голоса, но не музыкальный человѣкъ и лишень школы. Мѣстный критикъ г. Чечотъ язвительно называлъ его «пѣвцомъ-натуралистомъ». Другіе басы—и того хуже. Среди нихъ г. Лоскій выдѣляется, благодаря незаурядному сценическому дарованію. Съ г. Сибиряковымъ у г. Борода былъ контрактъ, но, какъ извѣстно, артистъ принятъ на Маринскую сцену и нарушилъ контрактъ. Переговоры антрепризы съ г. Власовымъ оборвались, такъ какъ названный артистъ возобновилъ контрактъ съ дирекціей Большаго московскаго театра. Не привели ни къ чему и переговоры съ гг. Антоновскимъ и Трубинымъ: первый подписалъ договоръ съ княземъ Церетелли, а г. Трубинъ не пожелалъ измѣнить московской частной оперѣ.

Театраль.

ОДЕССА. 1 октября исполнилось 15-лѣтіе существованія въ Одессѣ Городскаго театра. Событіе это тепло привѣтствовало мѣстная печать. На меня этотъ юбилей произвелъ весьма безотрадное впечатлѣніе, ибо я смотрю на нашъ городской театръ, какъ на могилу русской драмы въ Одессѣ. До возведенія этого капитальнаго и пышнаго театра русская драма интересовала Одессу въ самомъ широкомъ и самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Главнымъ образомъ драматическая антреприза пользовалась старымъ и неудобнымъ, но достаточно уютнымъ Русскимъ театромъ, и кромѣ того еще пользовались нынѣ спесеннымъ Маринскимъ театромъ и въ теченіе 10—15 лѣтъ лѣтнимъ, очень вмѣстительнымъ, театромъ Форкати, находившимся въ центрѣ города, на бульварѣ. Предоставленная самой себѣ, русская драма положительно процвѣтала. Но вотъ городъ объявилъ свое непрощенное покровительство театру, и кончилось дѣло тѣмъ, что русская драма въ самое короткое время совершенно зачахла. Послышались медовыя рѣчи о томъ, что городъ будетъ заботиться главнымъ образомъ о драмѣ, вслѣдствіе чего не только частная антреприза прекратилась, но два театра даже были спесены совсѣмъ. И что-же оказалось? А то, что городской театръ перешелъ въ вѣдѣніе аристократической театральной коммисіи, считающей драму плебейской забавой, а истиннымъ искусствомъ—италианскую оперу. И вотъ во славу одесскихъ интернациональныхъ патріишъ стали насаждать италянскую оперу, а драмѣ изъ милости разрѣшено было *примазаться* къ этой оперѣ и перебиваться, какъ она сама знаетъ. Результатъ получился тотъ, что публика успѣла отъ драмы совершенно отвыкнуть.

О подвизающейся въ настоящее время въ Городскомъ театрѣ драматической труппѣ я уже сообщилъ вначалѣ сезона. Наличие силы ея очень недурны, а есть и очень хорошія. Г. Соколовскій, о которомъ въ началѣ сезона я отозвался, какъ о недурномъ актерѣ, оказывается на самомъ дѣлѣ прекраснымъ исполнителемъ благородныхъ отцовъ и «перезрѣлыхъ» любовниковъ, особенно французскаго репертуара.

Не смотря, однако, на обиліе хорошихъ актеровъ, труппа должна быть названа бѣдной по составу. Для труппы этой съ трудомъ можно подобрать репертуаръ. Между прочимъ, до настоящаго времени у насъ поставлены были двѣ послѣднія новіе «Мученица» Ришлена и «Монна Ванна» Метерлинка. «Мученица» имѣла вѣшній успѣхъ, какъ обстановочная, такъ скаятъ декоративная пьеса. Ее съ такимъ-же удовольствіемъ смотришь, какъ, хотя бы знаменитую картину Семирадскаго «Свѣточи христіанства». «Монна Ванна» очень заинтересовала публику и имѣла большой успѣхъ. Первые два сбора были полны и можно еще рассчитывать на дальнѣйшіе. Это произведеніе глубоко-поэтическое, стильное и написано, если не съ шекспировскою глубиной психологическаго проникновенія, то съ шекспировскою силою въ развитіи положеній и дѣйствія. Г-жа Паскалова провела роль Ванны блестяще и стильно. Хорошо справился также съ ролью Марко Колонны г. Павленковъ. Онъ далъ чудный образъ старика-философа, послѣдователя Платона, навсѣвъ проникнутаго культомъ жизни и ея радостей. Гг. Карамазовъ и Глюске-Добровольскій въ роляхъ Гвидо и Тривульціо были недурны. Только у г. Дара-Влади-

мира изъ роли Принцивалле получился не то Нарциссъ, не то принцесса Греза, не то какая-то кающаяся грѣшница. Теперь мы ждемъ съ нетерпѣніемъ постановки «Мѣщанъ», которые пойдутъ черезъ нѣсколько дней.

У васъ уже извѣстна судьба опернаго антрепренера г. Салтыкова, который вздумалъ на фу-фу устроиться въ Одессѣ съ очень плохой оперой и сорвать барышъ. Одессу на эту штуку поймать нельзя и «антрепренеръ» за свое увлеченіе поплотился. Жаль только многихъ бѣдняковъ хористовъ и музыкантовъ, которыхъ г. Салтыковъ завезъ въ Одессу, изъ которой они выбрались лишь благодаря отзывчивости добрыхъ людей.

Л. Т—икіи.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Существуетъ анекдотъ, какъ одинъ увеселитель выпустилъ афишу, въ заголовкѣ которой крупными буквами стояло: «сегодня входъ бесплатный». Когда-же пожелавшіе воспользоваться даровымъ гуляньемъ, намѣревались проникнуть въ садъ, то имъ предложено было взять билеты, такъ какъ остроумный антрепренеръ послѣ заголовка «сегодня входъ бесплатный» мелкимъ шрифтомъ напечаталъ «только до кассы».

Нѣчто подобное случилось и съ екатеринославцами, которые были пріятно изумлены, увидя въ надняхъ издали крупную печатную надпись на расклеенныхъ по городу афишахъ: «только два концерта Э. И. Шаляпина и Л. В. Собинова». Подойдя-же ближе, поклонники современныхъ оперныхъ кумировъ, имена которыхъ красовались на афишѣ, глубоко разочаровались: за соблазнительнымъ объявленіемъ «только два концерта Э. И. Шаляпина и Л. В. Собинова» слѣдовала мелко напечатанная фраза «въ передачѣ знаменитаго усовершенствованнаго граммофона»...

На сценѣ Новаго же театра, гдѣ гг. Шульцъ и Викторъ-Берченко занимаются концертами («Шаляпинныхъ и Собиновыхъ въ граммофонѣ»), выступила давно ожидавшаяся В. Ф. Коммисаржевская. Первая гастроль состоялась въ пьесѣ Онэ—«Горнозаводчикъ». Пріѣзду въ Екатеринославъ В. Ф. предшествовали нѣсколько теплыхъ словъ, посвященныхъ ей одной изъ мѣстныхъ газетъ. Успѣхъ, которымъ сопровождался гастроль Коммисаржевской въ Екатеринославѣ, крупны и рѣдкій...

Появился анонсъ о концертѣ піаниста Юсифа Гофмана, имѣющій состояться 13 октября въ англійскомъ клубѣ; вообще въ Екатеринославѣ зимній театральнй сезонъ протекаетъ одинаково съ великопостнымъ сезономъ въ другихъ большихъ городахъ—все гастроль, да концерты, постоянной же труппы, оперной или драматической, которая-бы играла всю зиму,—у насъ нѣтъ. Дума постановила выстроить театръ, но убоилась расходовъ и ищетъ теперь предпринимателя. Одинъ такой предприниматель, и довольно видный (изъ Курска, кажется) объявился, но на чемъ съ нимъ покончили—неизвѣстно.

В. Свѣтовидовъ.

ЕЛЕЦЪ. Послѣ лѣтней скуки, которая была прервана неудачными гастрольями г. Орленева и «полнымъ (по анонсамъ) ансамблемъ» московскаго Императорскаго театра, наступилъ, наконецъ, сезонъ постоянной драмы. Для провинціального общества «открытіе» сезона—цѣлое событіе. У всѣхъ тогда одна мысль—что дастъ имъ новый сезонъ, у всѣхъ одно желаніе—не обмануться въ своихъ надеждахъ.

Къ сожалѣнію, первыхъ двухъ спектаклей («Василиса Мелентьева» и «Листья шелестятъ») мнѣ не пришлось смотреть; ознакомился я съ «силами» новой труппы на слѣдующихъ спектакляхъ. Правда, понятіе о сценической силѣ и величинѣ слишкомъ растяжимо, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ свой предѣлъ, ниже котораго не должны спускаться. Провинціи опредѣлено не смѣть требовать «великаго», но за ней остается право огорчаться, когда ей приходится въ теченіе всего сезона питаться слишкомъ посредственнымъ исполненіемъ. Я не говорю, что труппа г. Катарскаго состоитъ изъ посредственностей, но я утверждаю, что нѣкоторые ампула поручены посредственностямъ. Какъ на нововведеніе, должно указать на упорядоченіе оркестра, на приглашеніе для водевилей съ пѣніемъ и одноактныхъ оперетокъ исполнительствъ съ пріятными голосами—г-жу Ланину и г. Толкевича. Изъ поставленныхъ пьесъ наиболѣе интересъ возбудили «Мѣщане». Успѣхомъ пользуются пока лишь гг. Катарскій, Шатовъ и Васильевъ. Г. Шатовъ, если бы временами не шаржировалъ, былъ бы недурнымъ комикомъ; г. Васильевъ играетъ сдержано и прилично. Г. Катарскій достаточно разнообразный и опытный актеръ.

Р—ичъ.

ГРОДНО. Зимній сезонъ въ городскомъ театрѣ открылся 29 сентября драмой «Нищѣ духомъ». Въ роли Кондоровой выступила антрепренерша театра С. П. Волгина и... надолго отвалила публику отъ театра. Я далека отъ мысли утверждать, что роль Кондоровой исполнена была плохо, но г-жа Волгина забыла, что съ ея чрезмѣрной полнотою рисковано приукаванныхъ условіяхъ братья за роль Кондоровой.

Въ противоположность первому спектаклю, когда понадобились даже приставныя стулья, театръ пустуетъ, тогда какъ, напримѣръ цыганскій концертъ петербургскаго хора А. Шишкина собралъ полный театръ. Остается надѣяться, что г-жа Волгина пойметъ свою ошибку, которая бьетъ ее по карману.

Въ труппѣ есть недурная молодая актриса г-жа Фанина, которая можетъ справляться съ ролями. Для мѣстной публики, привыкшей къ опереткѣ, переходъ къ серьезной драмѣ, которой исключительно держалась до сихъ поръ труппа г-жи Волгиной, слишкомъ рѣзокъ. Послѣ «Безправной» шли «Да здравствуетъ жизнь», «Хлѣба и зрѣлищъ», «Уриель Акоста», «Татьяна Рѣпина» и т. п. Затѣмъ вдругъ появилась на сценѣ «Дама отъ Максима», съ участіемъ только что прибывшей артистки г-жи Владиміровой, блеснувшей костюмами и коротенькими глазками и сразу напомнившей публикѣ «красные дни Аранжуэца» оперетки. «Дама» сдѣлала хорошиі сборъ и мѣстные пшюты, впервые въ настоящемъ сезонѣ, потянулись за кулисы... Фарсъ рѣшено ставить по четвергамъ, пожалуй, и чаще... въ эти дни, вѣроятно, будутъ сборы, значительно ослабляемые, кстаті сказать, множествомъ бесплатныхъ мѣстъ въ театрѣ: дирекціи театра, полиціи и проч.

Изъ женскаго персонала труппы, кромѣ г-жи Фаниной и Владиміровой, выдѣляется г-жа Багринская и Мирская. Первая довольно удачно изображаетъ комическихъ старухъ и менѣе удачно grandes dames, вторая выступаетъ въ различныхъ роляхъ; недурная grande-dame г-жа Заричъ, съ успѣхомъ поддерживаютъ ансамбль г-жи Полонская (съ пѣніемъ), Солнцева и Анчарова, послѣдняя обладаетъ благодарной внѣшностью и современемъ, вѣроятно, выдвинется.

Изъ мужскаго персонала слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, г. Рудакова, способнаго драматическаго любовника, гг. Лихтера и Вавилонскаго и отчасти гг. Медынскаго и Трефилова, режиссера и комика, склоннаго къ шаржу въ угоду верхнимъ. Г. Свѣтловъ неумѣстнымъ «вытарашиваніемъ» главъ «дѣйствуетъ на нервы» зрителей; присущимъ г. Свѣтлову недостаткомъ обладаетъ и г. Медынский, который вмѣстѣ съ г-жой Мирской явился въ Гродно авангардомъ труппы и до прибытія главныхъ силъ принималъ участіе въ благотворительныхъ спектакляхъ въ Народномъ домѣ. Кстаті, о послѣднемъ.

Официальное открытіе сезона въ народномъ домѣ, обошедшемся Попечительству о народной трезвости ок. 28,000 р. и представляющемъ собою очень приличный двухъэтажный залъ съ 350 стульями и сценой, предполагается на 27 октября; пойдетъ одна изъ пьесъ Островскаго въ исполненіи любителей, преимущественно акционныхъ чиновниковъ.

Къ числу общественныхъ развлеченій въ Гроднѣ слѣдуетъ отнести спектакли: въ Военномъ собраніи, начинающіеся съ 22 октября, привлекающіе обыкновенно много публики, да изрѣдка любительскіе концерты съ благотворительной цѣлью въ Общественномъ собраніи.

А. Н. Г.—скій.

ОРЕНБУРГЪ. Составъ труппы, сформированной антрепренеромъ городского театра А. М. Карали-Торцовымъ на зимній сезонъ 1902—1903 г. слѣдующій—женскій персоналъ: О. Н. Алексина, М. Г. Андреева-Любавина, Н. Д. Борская, А. И. Ларизина, А. А. Ленская, О. Н. Ольгина, Н. Н. Петрова, О. М. Русанова, В. В. Томская, Н. П. Федорова, М. А. Шлыкова, мужскій персоналъ: С. А. Алексинъ К. М. Вѣричъ, М. Е. Залѣсовъ, А. М. Карали-Торцовъ, М. Л. Мерисойъ, П. В. Стрепетовъ, А. А. Тарасовъ, Н. А. Фурсовъ, Н. М. Шмидгофъ и Е. Н. Дольскій. Режиссеръ драмъ и комедій М. Е. Залѣсовъ, водевилей П. Е. Стрепетовъ. Декораторъ М. А. Постниковъ, помощникъ режиссера А. Ф. Моргуновъ, кассирша С. Ф. Мельникова, оркестръ Оренбургскаго казачьяго войска подъ упр. Г. Ф. Эстерейхъ. Сезонъ открылся 29 сентября пьесой В. Немировича-Данченко «Счастливецъ». Вторымъ спектаклемъ 1 октября шла пьеса Тимковскаго «Защитникъ». Изъ исполнителей имѣли большой успѣхъ г-жи: Русанова и Петрова, а также молодая артистка Н. Д. Борская, приглашенная на роли энженю-комикъ. Въ мужскомъ персоналѣ: П. Залѣсовъ и Шмидгофъ. Въ общемъ вся труппа произвела благоприятное впечатлѣніе: всѣхъ артистовъ вызывали послѣ каждого акта. Сборъ совершенно полные.

С. В.

СМОЛЕНСКЪ. Гастроли малорусской труппы Мирова-Бедюхъ закончились въ саду «Эрмитажъ» 8 сентября. Несмотря на плохую погоду, труппа сдѣлала хорошиі дѣла, благодаря очень приличному ансамблю. Лучше всего шли комическія малороссійскія оперетки. Кромѣ г. Мирова, выказавшаго себя способнымъ артистомъ на характерныя комическія роли, большимъ успѣхомъ пользовался г. Дабановскій. Вслѣдъ за малороссами въ залѣ Благороднаго собранія начались гастроли приглашенной для Витебска оперной труппы подъ управленіемъ Кнауфъ-Каминской. Было дано 5 спектаклей: «Аида», «Демонъ», «Фаустъ», «Пиковая дама» и «Евгеній Онѣгинъ». Труппа сдѣлала прекрасные сборы. Лучшіе голоса у г-жи Муранской (сопрано), у г-жи Шау (меццо-сопрано), у г. Рышкова (баритонъ) и г. Евгеньева-Дарскаго (теноръ). Очень слабы были хоры и никуда не годенъ балетъ, «подъ управленіемъ артиста варшавскихъ Императорскихъ театровъ г. Адлера» Оркестромъ дирижировалъ г. Суходревъ сравнительно недурно. 12 сентября начали сезонъ въ Народномъ домѣ, откуда нынче почти совсѣмъ изгналы любителей, пригласивъ цѣлую труппу. Но публика, наполнявшая театръ въ былые годы, когда исключительно почти играли любители, за послѣднее время совершенно отвыкла отъ театра и теперь посѣщаетъ спектакли

очень слабо. Определенное мнѣніе по первымъ спектаклямъ о труппѣ трудно составить, но въ составѣ артистовъ имѣются полезныя и способныя актеры. Надо пожелать только, чтобы для народныхъ спектаклей составлялся интересный и подходящій репертуаръ, а то послѣдніе годы обыкновенно ставились мелодрамы въ слишкомъ большомъ количествѣ. На спектакляхъ въ пользу фонда пока шли «Родина», «Въ неравной борьбѣ» и «Уриель Акоста».

Въ субботу, 21 сентября, состоялся очень интересный литературно-музыкальный вечеръ въ пользу публичной библиотеки, при участіи пользующагося извѣстностью писателя Л. Н. Андреева, которому публика устроила шумную встрѣчу. Въ музыкальной части программы приняли участіе, между прочимъ, А. В. Богдановичъ, у котораго теперь развился сильный и очень пріятный теноръ и въ первый разъ выступившаго здѣсь молодого пѣвца Б. З. Чернякъ.

22 сентября состоялось общее собраніе Глинкинскаго музыкальнаго кружка, на которомъ былъ прочитанъ отчетъ за первый годъ существованія. Кружкомъ было устроено въ теченіе сезона 7 симфоническихъ концертовъ по очень дешевымъ цѣнамъ, всегда усердно посѣщавшихся публикой. Кружокъ располагаетъ оркестромъ въ 42 человѣка и хоромъ въ 100 человѣкъ. Оркестромъ бесплатно дирижируетъ г. Соркинъ,—дирижируетъ прекрасно. Чистой прибыли у кружка осталось 341 руб. На этотъ сезонъ возвышена цѣна сезонныхъ билетовъ для первыхъ рядовъ (раньше всѣ ряды стояли въ одинаковой цѣнѣ—3 рубля за сезонъ) и рѣшено допустить учащихся, посѣщающихъ симфоническіе концерты въ очень большомъ количествѣ, на генеральныя репетиціи съ платой всего 15 коп. Вообще результаты дѣятельности кружка, несмотря на кратковременное существованіе, нужно признать блестящими. Сезонъ концертовъ открывается 26-го (концертъ Шевелева), затѣмъ предстоитъ концертъ Зилоти и Брандукова.

НОЗЛОВЪ. Спектакли въ театрѣ А. А. Злобина начались 26 сентября «Казнь». Труппа Р. А. Крамеса (дир. г-жи Брянской) довольно большая, полная, но составлена нѣсколько односторонне. Такъ, напримѣръ, въ женскомъ персоналѣ она имѣетъ г-жъ Таманцеву—драмат. герсиня, Зима-Волкову—герония и grandes-coquettes, Брянскую—grande-dam. и не имѣетъ въ pendant къ этимъ grandes-dam'амъ комической старухи. Это объясняется тѣмъ, что г-жа Громова не пріѣхала. Мужской персоналъ труппы г. Зима-Волковъ, г. Добожинскій—герой резонеръ, гг. Ратмировъ и Чинари—драматическіе любовники, г. Томара—драматической резонеръ, онъ же режиссеръ, г. Лашевичъ—комикъ резонеръ, онъ же декораторъ, г. Крамесь—комикъ и характерныя роли, г. Рудинъ-Сатинъ—комикъ и простакъ, г. Григорьевъ—простакъ. Теперь составъ труппы нѣсколько измѣнился, потому что изъ нея вышли по недораумѣнію изъ-за ролей Зима-Волковы.

Г-да Зима-Волковы ставятъ въ залѣ коммерческаго училища спектакли съ любителями.

Общество любителей драматическаго и музыкальнаго искусствъ совершенно бездѣйствуетъ, что, по крайней мѣрѣ, не мѣшаетъ театру и безъ того имѣющему неудовлетворительные сборы по буднямъ.

Школа рисованія и живописи художника академія С. И. Кривоуцкаго вступила во второй годъ своего существованія и стала на болѣе твердую почву.

В. Ч.—нѣ.

ЧЕРНИГОВЪ. Сезонъ открылся «Волшебной сказкой» И. П. Потапенко. Публика много аплодировала исполнителямъ. Успѣхъ имѣли г. Рахмановъ, исполнявшій роль Ижорскаго, и симпатичная артистка г-жа Стальская, въ роли Наташи Боровой. Остальныя роли были распределены между г-жами Шадурской и Таманцевой. Г. Орловскій (Ипполитъ), Лавровъ-Вишневскій (Лебединскій) и Иванинъ въ роли Свѣбужскаго были на мѣстахъ. Въ водевилѣ «Гейша» успѣхъ выпалъ на долю г-жи Шадурской, обладающей свѣжимъ голосомъ. Первый спектакль былъ вмѣстѣ и первымъ дебютомъ небезызвѣстной артистки г-жи Таманцевой (кн. Девлетъ-Кильдѣва), которая послѣ тяжелой болѣзни (потеря зрѣнія), длившейся два года, вновь посвятила себя артистической дѣятельности. Вторымъ дебютомъ артистки былъ «Счастливецъ». Свободная отъ провинціальныя приемовъ и аффектаціи, г-жа Таманцева играетъ вполне жизненно. Внѣшность ея очень сценическая. Всѣ поставленные до сего времени спектакли («Волшебная сказка», «Счастливецъ», «Девятый валъ» и «Горнозаводчикъ») прошли при хорошихъ сборахъ. Тщательная постановка многими обязана Г. Рахманову.

А. О.

Алфавитный списокъ драматическихъ сочиненій, дозволенимъ къ представленію съ 4-го сентября по 3-е октября 1902 года.

(См. «Прав. В.» № 217).

1) «Безъ солнца». Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Пав. П. Вейнберга (Удостоена преміи на конкурсѣ литературно-художественнаго общества въ Спб.). Изданіе журнала «Театръ и Искусство». Спб. 1902 г.

2) «Внуки Ванюшина». Фарсъ-пародія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Обойденова. Тип. и литографія Кинеловскаго. Москва. 1902 г. (По литогр. изд.).

3) «Да здравствуетъ жизнь». Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Зудермана. Переводъ съ нѣмецкаго Н. А. Будкевичъ. Типо-лит. А. Е. Винеке. Спб. 1902 г. (По лит. изд.).

4) «Дикій». Драма въ трехъ дѣйствіяхъ А. Шницлера. Перев. И. Бѣлявскаго. Типографія И. К. Скороходова. Спб. 1901 г. (По печ. изд.).

5) «Душа и тѣло» (Выврожденіе). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. И. Разсудова. Литографія С. О. Разсохина. Москва. 1902 г.

6) «Жажда жизни». Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Адольфа Федорова. Переводъ съ нѣмецкаго И. Б. Мандельштамъ. Литографія С. О. Разсохина. Москва. 1902 г.

7) «Зарница». Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. В. Тунушенскаго. Спб. 1902 г. (По печ. изд.).

8) «Иродъ». Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Со стихами К. Р. Харьковъ. 1902 г. (По печ. изд.).

9) «Кормилицыня дочь». Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ А. М. Сѣверской-Сигулиной. Типо-литографія В. Н. Дерягина. Москва. (По печ. изд.).

РЕПЕРТУАРЪ

С.-Петербург. Императорскихъ театровъ.

Въ Александринскомъ театрѣ. 28-го октября: «Да здравствуетъ жизнь»,—29-го: «Новое дѣло»,—30-го: «Ипполитъ»,—31-го: «Бенефисъ вторыхъ артистовъ труппы. Въ 1-й разъ по возобновленіи: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», драм. хрон.—1-го ноября: драматическій спектакль.—3-го: Утромъ: «Недоросль». Вечеромъ: «Комета», эпизодъ.

Въ Михайловскомъ театрѣ. 28-го октября: «Свадьба Кречинскаго»,—29-го: «L'étrangère»,—30-го: «Идеальная жена», «Осенняя скука»,—31-го: «L'étrangère»,—1-го ноября: «Последняя жертва», 2-го: «Le bon mouen».—

Въ Маринскомъ театрѣ. 28-го октября: «Юанитъ Лейденскій» 29-го: «Гугеноты»,—30-го: «Сервилія» (4-е представленіе 3-го абонемена),—31-го: «Евгеній Онѣгинъ»,—1-го ноября: «Пиковая дама»,—3-го Утромъ: «Демонъ». Вечеромъ: «Донъ-Кихотъ».

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я .

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.
Главный представитель знаменитой фабрики

Поставщика ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Blüthner

Рояли БЛЮТНЕРА

отличаются техническимъ и художественнымъ совершенствомъ и замѣчательной красотой тона. 900, 950, 1000, 1150 и 1300 р.

Пианино БЛЮТНЕРА удостоены на Всемирныхъ выставкахъ отдѣльными высшими наградами, стоятъ въ своемъ родѣ наравнѣ съ признанными наилучшими его роялями 600, 700 и 800 р., другихъ хорошихъ фабрикъ 375, 425, 475 р.

5618

1—4

М^{ме} ВЕЛЛИНЪ

возвратяся изъ заграницы

имѣетъ большой выборъ

= ДАМСКИХЪ ШЛЯПЪ =

лучшихъ домовъ Парижа.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ.

Владимірскій просп., д. № 3, кв. № 10.

5613

52—5

РУССКАЯ ОПЕРА.

Большой Залъ Консерваторіи.

Въ Воскресенье, 27-го октября въ 8 час. веч. въ абонемена „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“.—Въ Понедѣльникъ, 28-го, въ 8 час. веч. 4-й спект. перваго абонемена „РУСАЛКА“.—Во Вторникъ, 29-го въ 8 час. веч. въ абонемена „ПИКОВАЯ ДАМА“.—Въ Среду, 30-го въ 8 час. веч. 4-й спект. втораго абонемена „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“.—Въ Четвергъ, 31-го въ 8 ч. веч. въ абонемена, съ благотворительной цѣлью, въ первый разъ „НЕРОНЪ“.

Цѣны мѣстамъ общедоступныя отъ 35 к. Сбереженіе верхняго платья бесплатно. Вилеты въ кассѣ дирекціи (В. Морская, 13) ежедневно съ 10 ч. утра до 5 час. дня и съ 7 час. веч.

А. АРМАТОВЪ.

оправившись послѣ продолжительной болѣзни, находясь безъ всякихъ средствъ, покорнѣйше прошу дать ангажементъ. Герой-любовникъ и характерныя роли. Большой репертуаръ. Собственные роскошные костюмы. Адресовать: Петербургъ. Псковская ул., д. № 3, кв. 11 М. ТАРАСОВОЙ, передать А.

ЛЮСТРА

черной бронзы, готическій стиль случайно продается. Цѣна 600 рублей. Садовая, 9, Крыловскій.

№ 5647.

Въ конторѣ журн. „Театръ и Искусство“ продается:

Водевиль „ГЕЙША“

въ 1 дѣйствіи съ пѣніемъ

Л. И. Гебела.

Съ клавирауцгомомъ и съ печатной оркестровкой.

Цѣна 2 рубля.

Разрѣшено С.В. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

Мозольная жидкость ГОЛЛЕНДЕРА.

Самыя застарѣлыя мозоли быстро и безвѣдно излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости Голлендеръ, боаъ малѣйшей боли ЦѢНА флак. 35 к., 2 флак. высылаются почтою за 1 р. изъ Лабораторіи Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ: С.-Петербургъ, Развѣзжалъ ул., 13. ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ ИМПЕРІИ.

Репертуаръ театровъ С.В. Гор. Попеч. о нар. трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Въ Воскресенье, 27-го: днемъ съ 2 час.: „ПЯТЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОНЦЕРТЪ“, при участ. оперн. артист. большого оркестра Попечит. съ его солистами и въ 1-й разъ оркестра любителей русскихъ народныхъ инструментовъ подъ управл. Н. И. Привалова (будутъ исполнены отрывки изъ оперы „На Волгѣ“ соч. Привалова). Вечеромъ въ 8 час. „РАБОЧАЯ СЛОВОБДА“, др. въ 5 д., соч. Карпова.—Въ Понедѣльникъ, 28-го: „1812 годъ — ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, больш. обстановка. пьеса въ 5 дѣйств., 10 карт., соч. Виктора Крылова.—Во Вторникъ, 29-го: „1812 годъ — ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, пьеса въ 5 д. 10 карт.—Въ Среду, 30-го: „ВРАЖЬЯ СИЛА“, опера въ 5 д., муз. Сѣрова.—Въ Четвергъ, 31-го: „1812 годъ — ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, пьеса въ 5 д., 10 карт.

Готовятся къ постановкѣ опера Чайковского: „ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА“ и большая историч. пьеса „СЕВАСТОПОЛЬ“ (Мать сыра земля).

Вр. завѣд. театр. частью режис. А. Я. Алексѣевъ.

Изданія журнала

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

Литографированныя:

- „Флорія Тоска“ др. въ д. Сарду, пер. Латернера (осталось незначительное количество экземпляровъ), ц. 2 р.
- „Хлѣба и зрѣлищъ“ (сытые и голодные), др. въ 5 д. Соболевцова-Самарина (по роману А. Михайлова), ц. 2 р.
- „Наслѣдникъ принца“, ближайшая новинка Литер.-Худож. театра въ Спб.), пьеса въ 5 д. Вильгельма Метеръ-Ферстера, пер. Латернера, ц. 2 р.
- „Благодѣтели человѣчества“, др. въ 3 д. др. Филиппи, пер. П. П. Немвродова, ц. 2 р.

Печатныя:

- „Смерть и Жизнь“ (Мученица), др. въ 5 д. въ стихахъ (изъ времени первыхъ гомеровъ на христіанъ въ Римѣ), соч. Ж. Ришпена, пер. Н. Н. Тамарина, ц. 2 р.
 - „Quo Vadis“ (Камю грядущи) (безусл. разрѣшено къ представлению, см. Прав. Вѣст. № 217), др. въ 5 акт. и 9 карт., пер. по роману Сенкевича, переводъ Гр. А. Муравьевой, ц. 2 р.
 - „Рабыни веселья“, ком. въ 4 д. В. Протопопова, ц. 2 р.
 - „Неврастеники“, сцены въ 3 д. А. Плещеева, ц. 1 р.
- Выписывающіе изъ конторы журнала за пересылку не платятъ.

Казанская Городская Управа

приглашаетъ лицъ, желающихъ арендовать Казанскій городской театръ на новый съ 15 Юля 1903 года срокъ сдать ей письменныя заявленія объ этомъ не позднѣе 1-го Января 1903 года. Отъ арендатора требуется хорошая постановка, по полусезонно, драматическихъ и оперныхъ представлений.

Было бы желательнo, чтобы для выясненія подробныхъ условий антрепризы лица, желающія арендовать театръ, прибыли въ Казань.

5626

театръ, прибыли въ Казань.

4—2

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПЬЕСЫ

высылаетъ любит.-театраль, въ библио. около 6 тыс. названій, а также всѣ новѣйшія. Налож. платеж. не высылаются. Гг. авторовъ и издат. прошу высылать пьесы русск. и малор. на комиссію, а также каталоги и списки пьесъ. На отвѣты прошу прилаг. почтовую марки. Спб. Б. Конюш. ул. д. № 15, кв. 14. О. В. Силичевъ. Готов. къ печ. каталоги.

5428

1—1

Въ конторѣ редакціи журнала
„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

продаются слѣд. пьесы:

- „Авантюристка“, др. въ 4 д. М. К. Ц. 1 р. 50 к.
- „Благодѣтели человѣчества“, др. въ 3 д. Ф. Филиппи, пер. П. П. Немвродова, ц. 2 р.
- „Вѣда не ходить одна“, др. въ 3 д. К. Соловьева, ц. 1 р.
- „Война съ женами“, ком., въ 3 д. пер. О. Латернера. Реком. для пост. на любит. сценахъ, ц. 1 р.
- „Внѣ почвы“, др. въ 5 д. А. Иноземцевой, ц. 50 к.

Для нѣжности и мягкости кожи рукъ и лица Сгущенный березовый сокъ.

(succus Betulae concentratum)

приготовленный въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Цѣна 50 коп., съ пересылкой 2-хъ трубочекъ 1 руб. 50 коп.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. Н. Панченко и А. Н. Энглундъ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которая имѣются на всѣхъ препаратахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Эмиль Беръ, Гамбургъ; для Южной и Сѣверной Америки: Л. Мишнеръ, Нью-Йоркъ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ. С.-Петербургъ. Бассейная улица, № 27.

Телефонъ № 511.

Складъ издѣлій

К^о Траммофонъ

С.-Петербургъ, Пассажъ, 32-34.

Адресъ для телеграммъ: „Фоност“.

ГРАММОФОНЫ всѣхъ существующихъ
въ мирѣ моделей
новѣйшей конструкціи
ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

ПЛАСТИНКИ исключительно
высшаго качества.

Каждый купившій хотя-бы
одну пластинку получаетъ

ПАКЕТЪ ИГОЛОКЪ
БЕЗПЛАТНО.

Наложнымъ
платежемъ товаръ
высылается не
иначе какъ по
полученіи 25%
стоимости заказа.

ОБМѢНЪ старыхъ и испорченныхъ пьесъ на
новыя безшумныя пластинки, какъ
равно и обмѣнъ прежнихъ граммофоновъ на усовер-
шенствованные новые типы производится Складомъ
на особенно льготныхъ началахъ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА
для Петербургскихъ покупателей.

УПАКОВКА и ПЕРЕСЫЛКА аппаратовъ въ
Европейской Россіи производится за счетъ
склада. При пересылкѣ въ Сибирь и друг.
отдаленныя мѣстности Россіи Складъ прини-
маетъ на себя половину стоимости фрахта.

Списки пьесъ и иллюстрированныя каталоги
выдаются и высылаются **бесплатно.**

Письма и посылки просятъ адресовать на имя
завѣдующаго Складомъ проф. И. П. РАШГОФЪ.

До свѣдѣнія гг. антрепренеровъ и директоровъ театровъ.

Обращаемъ вниманіе на новый типъ Монархъ-Гранда, специально приуроченный для концертныхъ цѣлей и участія въ дивертисментахъ и антрактахъ. Такъ какъ въ числѣ артистовъ, участвовавшихъ для граммофона, имѣются такія имена, какъ чета Фигнеръ, Собиновъ, Шаляпинъ, Сѣверскій и Вальцева, а также и иностранныя знаменитости, какъ теноръ Карусо, баритонъ Плансонъ, меццо-сопрано Кальве и Брюно, то подобныя дивертисменты на столь усовершенствованныхъ аппаратахъ приобретутъ значительный интересъ чисто художественнаго свойства и съ большимъ успѣхомъ могутъ замѣнить артистовъ. Что же касается оркестровой музыки, то въ настоящее время записано около 200 новыхъ оркестровыхъ номеровъ въ исполненіи придворнаго хора, оркестра Коннаго полка подъ управленіемъ г. Ружека, оркестра Республиканской Гвардіи (въ Парижѣ), Лондонскаго Городскаго оркестра и Миланскаго опернаго оркестра. Прежде немногочисленное количество участвовавшихъ въ подобныхъ оркестрахъ музыкантовъ, въ настоящее время доведено до полного состава музыкантовъ, почему получается полная иллюзія настоящей оркестровой музыки.

Попечительства о народной трезвости, разныя народныя аудиторіи и городскіе театры въ настоящее время уже примѣняютъ граммофонъ для вышеозначенной цѣли и, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ.

С.-Петербургъ, Пассажъ, № 32-34.

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИБОССЪ“

В. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всездь.

5611 13-3

Театръ-концертъ „АЛЬКАЗАРЪ“.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

Е Ж Е Д Н Е В Н О**Большой экстраординарный артист. концертъ-попури.**

Дебютъ извѣст. франц. пѣв. La Jolie Делаферъ, три вѣнскихъ ласточекъ м-лехъ Элли, знам. трио Лез Бонтесъ, Миши Каролла, трио Марнгольдъ, м-лехъ Деппа, м-лехъ Реали, м-лехъ Решеке, м-лехъ Визе, м-лехъ Искра, м-лехъ Гальмай г-жа Вѣрия, м-лехъ Андримонъ, м-лехъ Юнеско, м-лехъ Оливетъ, м-лехъ Табори, изв. куп. А. М. Войцеховскаго, г-жи Мальцевой, м-лехъ Евзерской, г-на Александрова, квартетъ Калай, квартетъ „Сафо“. Русскій хоръ г-жи Волнокиной, малорусская труппа г-жи Яковлевой, оркестръ г. Штейнбрехера.

Бр-ья А. и Л. ЛЕЙФЕРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1) КАРАВАННАЯ, 18
(подъездъ съ Итальянской).
Телефонъ № 5528.

2) Петербургская сторона
ОРАНИЕНБАУМСКАЯ, 21, соб. домъ.
Телефонъ № 4399.

ПРОИЗВОДСТВО

КОСТЮМОВЪ стильныхъ и фантастическихъ, **обуви** стильной, **головныхъ уборовъ** всѣхъ эпохъ, **завѣсъ** переднихъ и антрактныхъ, **декорацій** (архитектура и пейзажъ) для театровъ и домашнихъ сценъ, **мебели** театральной, **вооруженія** всѣхъ эпохъ, **аксессуаровъ** металлическихъ и изъ папье-маше, **подмостки**, полное **оборудованіе** сцены.

По требованію высылается **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** бесплатно.

Приглашаются **АГЕНТЫ** для сношеній съ провинціей.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ПАРИЖА

брюшной

корсетъ

„ГИГИЯ“.

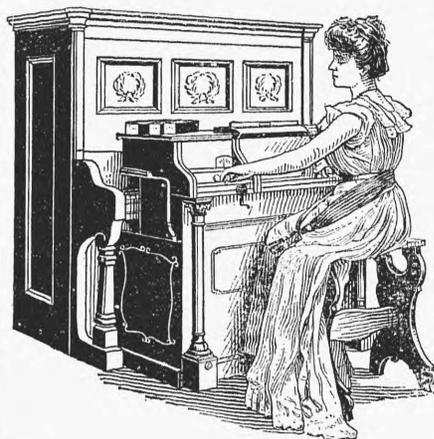
Скрадывая своимъ нормальнымъ покроемъ полноту, онъ въ то же время радикально уничтожаетъ всякое къ ней расположеніе.

Придаетъ естественную грацію, элегантность и совершенно не стѣсняетъ свободу движенія.

С.-Петербургъ,
Надеждинск. ул.,
д. 3, кв. 1.

5621

24—2

ЕДИНСТВ. АМЕР. ИНСТРУМЕНТЪ
САМОИГРАЮЩІЙ
НА РОЯЛЪ или ПИАНИНО
НА ОРГАНЪ
и на ОБОИХЪ ОДНОВРЕМЕННО.
Angelus - Orchestral.

ИСКЛЮЧ. ПРЕДСТАВ.

Германъ и Гроссманъ.

Спб. В. Морская, 33. * Москва—Варшава.

5623

! Прейсъ-курантъ бесплатно !

2—2

ЛАНДАНОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Дирекція А. И. Иванова и В. А. Казанскаго).

Русская комическая опера и оперетка.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Главный режиссеръ А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Главный капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Начало спектаклей въ 8 ч. Касса открыта съ 10 ч. утра.

Пріемъ заказовъ

ПЛАТЬЕВЪ и ВЫКРОЕКЪ.

Фонтанка, д. № 68, кв. 45.

5614

2—2